

Концептуальная метафора в русской фразеологии эмоций: радость, печаль, гнев

Klešković, Ivana

Master's thesis / Diplomski rad

2022

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://urn.nsk.hr/urn:nbn:hr:131:463186>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom.](#)

Download date / Datum preuzimanja: **2024-10-07**

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
University of Zagreb
Faculty of Humanities
and Social Sciences

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

*Концептуальная метафора в русской фразеологии эмоций:
радость, печаль, гнев*

Student: Ivana Klešković
Mentor: dr. sc. Anita Hrnjak
ak. god.: 2021./2022.

U Zagrebu, 7. srpnja 2022.

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i književnosti
Katedra za ruski jezik

Diplomski rad

*Conceptual Metaphor in Russian Phraseology of Emotions:
Happiness, Sadness, Anger*

Student: Ivana Klešković
Mentor: dr. sc. Anita Hrnjak
ak. god.: 2021./2022.

U Zagrebu, 7. srpnja 2022.

Содержание:

1. Введение	1
2. Концептуальная метафора	3
3. Фразеологизм	7
4. Эмоции.....	9
4.1. Эмоции – универсальные или культурно специфичные?.....	10
4.2. Эмоции как домен концептуальной метафоры	12
4.3. Эмоциональная фразеологическая картина мира	13
5. Анализ фразеологизмов, относящихся к эмоциям радости, печали и гнева.....	15
5.1. Радость.....	16
5.1.1. ЧАСТЬ ТЕЛА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ	17
5.1.2. ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА	18
5.1.3. СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ	23
5.1.3. ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕДА.....	25
5.2. Печаль.....	27
5.2.1. ЧАСТЬ ТЕЛА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ	27
5.2.2. ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА	30
5.2.3. ПЕЧАЛЬ СООТВЕТСТВУЕТ НИЗУ	34
5.2.4. ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕДА.....	37
5.3. Гнев.....	38
5.3.1. ЧАСТЬ ТЕЛА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ	39
5.3.2. ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА.....	42
6. Заключение	49
Список литературы	52
Приложение: Фразеологизмы, относящиеся к эмоциям радости, печали и гнева, распределённые по концептуальным метафорам.....	57
Sažetak.....	62
Životopis.....	63

1. Введение

В своей жизни человек постоянно испытывает множество эмоций и состояний. Эти эмоции и состояния могут быть приятными и неприятными, долгосрочными и краткосрочными, интенсивными и едва заметными. Но, среди них можно выделить отдельные эмоции. Их причины могут быть самыми различными, так же как и их характеристики. Главные эмоциональные явления называем базовыми эмоциями. Это эмоции, якобы являющиеся общими для всех людей. Экман и Кордаро (2011: 364-5), одни из ведущих психологов в сфере научных исследований эмоций, выделяют семь базовых эмоций: радость (довольство), удивление, печаль (грусть), гнев (злость), отвращение, презрение и страх. Хотя согласно некоторым другим психологам список несколько иной, всегда общими являются радость (довольство, удовольствие, счастье), печаль (грусть, горе, страдание), и гнев (злость, ярость), поэтому именно они будут в центре внимания данной работы. Но, хотя исследователи говорят, что базовые эмоции общие для всех людей, несмотря на то, где они живут, оттенки самых эмоций отличаются. Последовательно можно сказать, что выражение эмоций отличается в различных культурах. На самом деле, это значит, что отношение культуры и эмоций отражается в языке, или точнее, в языковой картине мира, а национальная специфика языковой картины мира и языкового поведения наиболее ярко отражается во фразеологии любого языка.

Фразеологизмы можно анализировать с точки зрения когнитивной лингвистики, чтобы показать, какие концепты связаны с тремя выбранными эмоциями. Но, самое важное, он покажет нам, какими метафорами эмоций русские живут.

Поэтому главная цель этой работы – выделить и исследовать концептуальные метафоры, которые появляются в русских фразеологизмах, относящихся к эмоциям радости, печали и гнева. Это значит, что будут анализированы исходные и целевые домены этих метафор. Учитывая факт, что базовые эмоции являются универсальными (по исследованиям психологов это доказано, поэтому принимается как независимая переменная), предположение, с которого начинается эта работа, состоит в том, что обнаружим большое количество тех же концептуальных метафор в русских фразеологизмах, которые можно найти в теоретической литературе по концептуальной метафоре. В первую очередь мы будем обращаться именно к англоязычной теоретической литературе из-за большинства исследований по этой теме, имея в виду особенно работы Лакоффа и Джонсона, как и Ковечеша. Второе предположение этой

работы то, что существуют концептуальные метафоры, которые относятся к различным эмоциям, но содержат одинаковые домены. Это предположение возникло из-за того, что иногда, смотря на человека, трудно определить эмоцию, которую он проявляет. Так, например, можно плакать от радости, печали, но также и от гнева. С другой стороны, иногда люди считают, что (все) наши эмоции сохранены во сердце. Конечно, здесь речь идет о наивной, а не научной картине мира. Но, ответ на этот вопрос будет анализирован только с точки зрения трех вышеупомянутых эмоций. Третий вопрос касается частоты употребления таких фразеологизмов в современном русском языке. В работе будут анализированы фразеологизмы из определенных словарей, сборников упражнений и научных статей (книг), но они также будут анализированы с точки зрения перемен в языке. Предполагается, что фразеологизмы, связанные с эмоциями редко исчезают из-за их частотности и постоянности в употреблении. Причина этому то, что переживание эмоций принципиально не меняется, поэтому метафорическая основа, на которой создаются такие фразеологизмы, остается неизменной.

Эта дипломная работа состоит из теоретической части, целью которой является объяснение теоретических основ когнитивной лингвистики, в том числе особенно концептуальной метафоры, и фразеологии. На основании теоретической части работы будут анализированы выбранные фразеологизмы. Вторая часть работы посвящена важным теоретическим аспектам изучения эмоций и способам их реализации в культурах и языках. В этой части изучаются именно эмоции как один из наиболее распространенных исходных доменов концептуальных метафор. Третья часть работы – анализ выбранных фразеологизмов. В первую очередь приводятся основные информации об определенных эмоциях, включая синонимы названий, их частые аспекты и вид проявления, с целью определения правильных доменов концептуальных метафор и нахождения соответствующих фразеологизмов. Второй шаг – анализ фразеологизмов по определенным доменам. Здесь будут анализированы этимологические данные, частота употребления и сходство с установленными доменами из ужеупомянутой литературы. Последней частью этой работы являются обсуждение и выводы, где будут даваться ответы на заданные вопросы исследования.

2. Концептуальная метафора

Термин *концептуальная метафора* является одним из главных терминов в когнитивной лингвистике. Но, чтобы объяснить, что на самом деле этот термин представляет собой, надо понять откуда он произошел, начиная с определением когнитивной лингвистики. Хотя когнитивная лингвистика формально является частью языкознания, как подчеркивает Скребцова (2018: 14), она «лежит на пересечении нескольких дисциплин (...) как *психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика, биолингвистика, юрлингвистика, компьютерная лингвистика, политическая лингвистика, лингвогеография, лингвистическая антропология* и др.». На самом деле, именно такой комплекс дисциплин позволяет более детальное исследование человеческого познания, т.е. когниции. Станоевич (2013: 37) добавляет более подробное описание причины этому. Он говорит, что создание значения – это связь между нашим пониманием происходящей ситуации и языковыми выражениями. Но, когнитивность лежит в том, что наше понимание ситуации никогда не является полностью объективным, а зависит от нашего обычного или настоящего понимания этой определенной ситуации (Станоевич 2013: 38). Именно для нашего обычного понимания ситуации важны концептуальные метафоры. Одним из когнитивных процессов конструирования значения, как уточняет Станоевич (2013: 54) является особый вид метафоры – концептуальная метафора. Как утверждают Лакофф и Джонсон, большинство людей видит метафору как инструмент «поэтического воображения и риторических излишеств», из-за чего метафора понимается как часть особенного языка, а не повседневного (Лакофф, Джонсон 2004: 25). Метафора, по определению *Большой российской энциклопедии* (БРЭ) является одним из тропов и фигур речи. Она осуществляется «в употреблении слова, которое обозначает некоторый класс объектов, явлений, действий или признаков, для обозначения другого, сходного с данным, класса объектов или индивида» (БРЭ, эл. публ). По их определению, метафора является средством познания и наименования объектов действительности, причем создается художественный образ и порождается новое значение. Авторы еще подчеркивают, что метафора включает объект в категорию, к которой он иначе не может быть отнесен. Самое частое представление о метафоре происходит из наблюдений Аристотеля, и оно говорит, что метафора является сокращенным сравнением, из которого исключены компаративные союзы *как (будто), словно, ровно* и т.п., как и предикаты *похож, напоминает* и др. (там же). Но, концептуальная метафора, как Грузберг подчеркивает, «не 'сокращенное сравнение', не один из способов украшения

речи и даже не свойство слов и языка в целом» (Грузберг, эл. публ). На самом деле, концептуальная метафора особый тип переносного употребления слов. Ее невозможно понять только как «сокращенное сравнение», которое появляется в языке, точнее в литературно-художественном стиле речи.

Первые исследователи, которые выделили этот новый тип метафоры – Джордж Лакофф и Марк Джонсон в монографии *Метафоры, которыми мы живем*¹. Самое название их научной работы показывает, что такие метафоры принадлежат повседневному языку и не только особенному стилю речи. Упомянутые авторы утверждают, что целая человеческая жизнь под влиянием определенных метафор, что на самом деле значит, что такие метафоры влияют на наше мышление и поведение. В самом центре таких метафор находятся определенные концепты – так как в обычной метафоре были связанные объекты, здесь можно говорить о связанных концептах, или по словам Лакоффа и Джонсона, это «концепты, которыми мы живем» (Лакофф, Джонсон 2004: 25). Если вернуться к Станоевичу (2013: 38) и его утверждению, что наше понимание ситуации зависит от обычного понимания определенной ситуации, увидим, что между прочим это относится и к влиянию концептуальных метафор. Такие концепты управляют нашим мышлением и, следовательно, нашей деятельностью и поведением. Поэтому можно сказать, что «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» (Лакофф, Джонсон 2004: 25). Если действительно наша понятийная система метафорична, тогда, чтобы определить реалии повседневной жизни, очень важно определить концепты, составляющие метафоричную систему.

Для того чтобы представить метафоричность нашей понятийной системы, Лакофф и Джонсон приводят одну из самых частых концептуальных метафор: СПОР – ЭТО ВОЙНА. Они приводят ряд примеров, как эта метафора проявляется в (английском) языке: «Он *нападал на каждое слабое место* в моей аргументации; Его критические замечания *были точно в цель*; Я никогда не *побеждал* его в споре; Если бы используете эту *стратегию*, он вас *уничтожит*» (Лакофф, Джонсон 2004: 26). Интересно, что в русском переводе этой работы существуют только два примера, которые невозможно перевести сохраняя концептуальные метафоры. На самом деле, это значит, что русские, так как и англичане,

¹ Оригинальная работа: Lakoff, G.; Johnson, M. (1980) *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press.

Перевод на русский язык: Лакофф, Дж.; Джонсон, М. (2004) *Метафоры, которыми мы живем*. Пер. с англ. (под ред. А. Н. Баранова). Москва: Едиториал УРСС.

живут метафорой СПОР – ЭТО ВОЙНА. Это, с другой стороны, влияет и на их действия и поведение в любом споре. С лингвистической точки зрения, увидим, что метафора представляется как связь между двумя концептами: СПОР и ВОЙНА, причем между ними слова, обозначающие одинаковое значение. Поэтому Лакофф и Джонсон заключают, что «суть метафоры – это понимание и переживание сущности (*thing*) одного вида в терминах сущности другого вида» (Лакофф, Джонсон 2004: 27). Это значит, что речь идет о двух разных концептах, которые считаем одинаковыми, и один понимаем в терминах другого. В этом случае понимаем СПОР в терминах ВОЙНЫ.

Ковечеш приводит сформулированное описание: «КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ДОМЕН А – ЭТО КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ДОМЕН Б» (Ковечеш 2010: 4). Он определяет особые названия для концептов, составляющих концептуальную метафору. Концептуальный домен, из которого черпаем метафорические выражения для понимания другого концептуального домена называется исходным доменом. Концептуальный домен, который понимается таким образом, называется целевым доменом (Ковечеш 2010: 4). Ковечеш делает следующий шаг и определяет самые частые исходные и целевые домены. Следовательно, в первом списке появляются: тело человека, здоровье и болезнь, животные, растения, здания и сооружения, машины и инструменты, игры и спорт, деньги и экономические операции, тепло и холод, свет и тьма, силы, движение и направление (Ковечеш 2010: 28). С другой стороны, целевые домены являются более абстрактными и лишенными четкого разграничения, так что Ковечеш сообщает, что они «взывают к метафорической концептуализации» (Ковечеш 2010: 23). Список самых частых целевых доменов включает: эмоции, желание, мораль, мысль, общество / нацию, политику, экономия, человеческие отношения, общение, время, жизнь и смерть, религию, события и действия (Ковечеш 2010: 28). Именно первый домен в этом списке – эмоции – будет в центре внимания этой работы.

Здесь важно сделать особое ударение на связи концептуальной метафоры с культурой. Станоевич (2013: 76) подчеркивает, что каждый домен обязательно погружен в культуру, но различный вклад культуры виден только на определенных уровнях. Следовательно, можно сказать, что наше понимание ситуации всегда под влиянием определенной культуры. Но, так как культуры меняются с течением времени, меняются даже домены. На самом деле, это говорит, что домены концептуальных метафор адаптируются к изменениям в культуре, и, следовательно, в когниции людей. Здесь появляется вопрос – как объективно исследовать какие концептуальные метафоры появляются в языке? Станоевич (2013: 133) дает ответ и на этот вопрос. Он говорит, что для анализа

концептуальных метафор крайне важно «брать не данные, построенные для нужд исследования, а 'настоящий' языковой материал». Настоящим языковым материалом для этой работы являются фразеологизмы.

3. Фразеологизм

Кроме определения концептуальной метафоры, для этой дипломной работы очень важно установить значение термина *фразеологизм*. Им занимается фразеология, лингвистическая дисциплина, изучающая семантические, морфолого-синтаксические и стилистические признаки фразеологизмов. Но, важно подчеркнуть, что фразеология также обозначает совокупность всех фразеологизмов в определенном языке в целом (Жуков, 2006: 6). Фразеологизмы, фразеологические единицы или обороты, это обороты, воспроизводимые в речи, построенные по образцу сочинительных и подчинительных словосочетаний. Они обладают целостным, или частично целостным, значением (там же). Алефиренко (2005: 251) определяет фразеологизмы как устойчивые сочетания слов, с целостным и переносно-образным значением, которое не вытекает непосредственно из суммы значений его лексических компонентов.

Телия приводит подробное определение фразеологизмов в русском языке:

К базовым классам фразеологизмов в русском языке (как и в других языках аналитического или синтетического типа) можно отнести все сочетания слов, для которых характерны три основные параметра: принадлежность к номинативному инвентарю языка, признак полной или частичной идиоматичности, а также свойство устойчивости, в той или иной степени ее варибельности, проявляющееся в абсолютной или относительной воспроизводимости сочетаний слов «в готовом виде». (Телия 1996: 56)

Но, важно подчеркнуть, что она видит такое описание как очень простое, когда на самом деле существует очень много факторов, которые лингвисты изучали в течение десятилетий. Одно из таких вопросов – вопрос границы, т. е. как определить границу между сочетаниями слов и фразеологизмами, когда «в языке как исторически развивающейся системе не может быть четко очерченных границ его подсистем» (Телия 1996: 56).

Пустошило (2011, эл. публ.) с другой стороны, пытается дать ответ на этот вопрос, сосредоточиваясь на различиях между понятиями *слово*, *словосочетание* и *фразеологизм*. Она отмечает, что слово, словосочетание и фразеологизм не тождественные, а перекрещивающиеся понятия. Поэтому она определяет 14 различий и сходств между словами и фразеологизмами, так же как и одну помету для различий между словосочетаниями и фразеологизмами. Там приведенные отличия важны для анализа фразеологизмов в работе. Первое из них – коннотативный компонент, который является обязательным для значения фразеологизмов, но не для значения слов. Другими словами, значение фразеологизмов всегда переносное, а чаще всего и метафорическое

(там же). Функция слов и фразеологизмов также отличается. Основная функция слов – номинативная, а фразеологизмов – функция характеристики через образное представление. Третье различие в структуре, так как фразеологизмы характеризуются постоянством лексического состава и местоположения компонентов, хотя иногда появляются исключения. Но, такая структура также является целостной, т. е. существует в готовом виде, не создается в процессе речи как слова. Также, значение фразеологизмов, как уже упомянуто, невозможно вывести из суммы значений его составляющих, в отличие от слов, которые обладают непредсказуемостью. Но, в этом случае также существуют исключения, потому что некоторые слова мотивированные, так как и значение некоторых фразеологизмов можно понять из-за определенных значений их компонентов (например, *жить чужим умом*) (там же). В число различий между фразеологизмами и словосочетаниями Пустошило (2011, эл. публ.) отмечает только одно – они составлены от отдельных элементов. Но, в случае словосочетаний это слова, а в случае фразеологизмов – это компоненты, части одного целого.

Когда говорим о типах фразеологизмов, т. е. фразеологических единиц, надо упомянуть три типа фразеологизмов по степени семантической спаянности по Виноградову, как и дополнительный, четвертый тип, добавленный Шанским. Первый тип – фразеологические сращения, в которых значение невозможно вывести из суммы значений компонентов. Далее, фразеологизмы, значение которых можно частично объяснить через значение составляющих их компонентов, называем фразеологическими единствами. Третий тип, в которых одно слово имеет фразеологически связанное значение, а другое свободное, называются фразеологическими сочетаниями. Четвертый тип, фразеологические выражения, только условно можно понять как фразеологизмы. Речь идет о словосочетаниях со свободным значением, но они воспроизводимы в речи. Если включить фразеологические выражения в состав фразеологизмов, тогда говорим о фразеологии в широком смысле. Но, эта работа сосредоточена на фразеологии в более узком смысле.

4. Эмоции

Одно из ключевых слов этой работы – эмоции. Хотя кажется, что все знают, что это слово обозначает, эмоции все-таки трудно определить. Особенно из-за того, что в их исследования включено большое количество наук, таких как психология, медицина, история, социология, и, конечно, лингвистика. *Большая российская энциклопедия* (БРЭЭ) определяет эмоции как: «класс психических процессов и состояний, отражающих непосредственную субъективную оценку и переживание отношения к различным объектам, явлениям и ситуациям (предметные э.) или к жизнедеятельности в целом (беспредметные э.)» (эл. публ.). Энциклопедия также напоминает, что эмоции тесно связаны с телесными процессами, особенно процессами в мозге и нервной системе (БРЭЭ, эл. публ.). Это объясняет, почему переживание определенных эмоций приводит к изменениям на теле и внутри него. Для понимания термина эмоции, Аркадий Петрович Седых, доктор филологических наук, вводит другие два термина, которые вместе составляют три основных эмоциональных состояния: чувства и аффекты. Поэтому он говорит о чувствах как об особом виде эмоциональных переживаний, которое отличает сравнительная устойчивость. Седых говорит, что «чувства связаны с представлением о некотором объекте – конкретном или обобщенном» (Седых 2012: 109). Они также носят исторический характер, так что они различны у разных народов и даже отличаются в разных эпохах (Седых 2012: 109). На самом деле, это значит, что чувства формируют социализирующий аспект нашей личности. Третий термин, аффекты, кажется самым простым. Он на самом деле «реакция, которая возникает в результате уже совершенного действия или поступка и выражает собой его субъективную эмоциональную окраску...» (Седых 2012: 110). Аффекты отличаются большой силой и бурностью, которая появляется как человеческая реакция на какое-то событие. Возвращаясь к первоупомянутому термину, самому важному для этой работы, Седых его определяет как «субъективные реакции человека и животных на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющиеся в виде удовольствия или неудовольствия, радости, страха и т.д.» (Седых 2012: 110). Он считает, что эмоции не всегда видны, но каждое наше поведение связано с эмоциями, не только как следствие, но также и как причина и сопроводитель. В своей фундаментальной работе *Общая психология*, Анатолий Геннадьевич Маклаков, (ЛГУ, эл. публ.) говорит, что эмоции более широкое понятие – это целый ряд реакций человека. Такие реакции могут быть и самые бурные взрывы, но и тонкие оттенки настроения. Чувства же только одно из проявлений эмоциональных

переживаний, так же как и аффекты, настроения, и эмоциональный стресс (Маклаков 2016: 393).

В той же мере насколько трудно определить, что такое эмоции, настолько трудно и определить основные эмоции, если они вообще существуют.

4.1. Эмоции – универсальные или культурно специфичные?

Большая российская энциклопедия в определение эмоций включает и базовые эмоции человека, представляя их как универсальные и независимые от культуры. В их число включает: радость, печаль, страх, гнев, удивление, отвращение и ожидание (БРЭЭ, эл. публ.). На самом деле, первый учёный, который начал исследовать наличие базовых эмоций – Пол Экман в 1980-ых годах. В 2011 году, Экман, вместе с Кордаро, пишет работу о значении термина *базовые* в определении эмоций (Экман, Кордаро 2011: 364-5). Они говорят, что такое определение значит, в первую очередь, что эмоции являются дискретными, их можно различать по характеристикам. Во вторую очередь, нужно понять, что эмоции, так же как и люди, развиваются и адаптируются. На самом деле, это значит, что эмоции меняются. Но, все-таки, существуют некоторые основные элементы. Они не меняются, являются универсальными. Экман и Кордаро приводят такие базовые эмоции: радость (довольство), удивление, печаль (грусть), гнев (злость), отвращение, презрение, страх ² (Экман, Кордаро 2011: 365). Экман, конечно, не является единственным ученым, который попытался установить основные, фундаментальные или базовые эмоции. Советский и русский психолог, Роберт Семенович Немов, чьи книги стали нормативными учебниками за педагогов, также написал важный трехтомный учебник по психологии человека *Психология* (2003) (МГУ, эл. публ.). В этой работе утверждается, что фундаментальными эмоциями являются: агрессивность (враждебность), апатия, депрессия, интерес, любовь, симпатия и страсть (Седых 2012: 109). С другой стороны, рассмотрим анализ Маклакова в его ужеупомянутой работе *Общая психология*. Его анализ более похож на анализ Экмана. Маклаков считает, что существует восемь основных эмоций: радость, удивление, страдание, гнев, отвращение, презрение, стыд и страх (Маклаков 2016: 395-6). Другой известный психолог изучающий эмоции, Роберт Плутчик, сделал собственную классификацию основных эмоций. Он

²Перевод психолога Козлова взят с: <https://www.psychologos.ru/articles/view/bazovye-emocii> (15.5.2021.). Оригинальная работа Экмана говорит о следующих эмоциях: *happiness, surprise, sadness, anger, disgust, contempt, fear*.

определяет восемь основных эмоций, которые включают: радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, ожидание, доверие и страх³ (Плутчик 2001: 349). Хотя число и определение самых базовых эмоций у ученых отличается, очевидно, что все-таки существуют такие эмоции, про которые они соглашаются.

Но, если сравним оригинальные термины из работ Экмана и Плутчика, их переводы и оригинальные термины Маклакова, увидим, что иногда термины не совпадают. Например, *joy* и *happiness* можно перевести как радость или довольство, *sadness* может быть и страдание, печаль и грусть, а гнев и злость обозначают *anger*. Анна Вежбицкая, известный польский и австралийский лингвист, описала языковые картины мира, связанные с концептами эмоций. Она упоминает английское слово *anger*, которое невозможно полностью перевести на польский язык. В польском языке существуют особые слова *zlosc* and *gniew*, чьи концепты не совпадают с английским (Вежбицкая 1999: 32). С другой стороны, русские слова *злость* и *гнев* уже на первый взгляд видно напоминают польские слова, и даже концептуально совпадают. Это значит, что хотя кажется, что концепты определенных эмоций совпадают, все-таки оттенки в значениях существуют. Именно эти оттенки являются культурными специфичностями, так что можно сказать, что концепты эмоций никогда не могут рассматриваться как свободные от культуры. Вежбицкая уже в 1986 году поняла, что большинство исследований по теме эмоций и их универсальности проведено именно на примере английского языка. На самом деле это значит, что невозможно доказать существование универсальности только на примере одного языка и одного народа. Но, все-таки, она говорит, что не все слова, несущие эмоциональное значение на одинаковом уровне языково специфичные и культурно специфичные (Вежбицкая 1986: 585). Исходя из ее заключения, что польские *zlosc* и *gniew* не совпадают значением с английским *anger* можно сказать, что польская и английская культуры изображают иную эмоциональную картину, хотя в обоих случаях речь идет об основных эмоциях. Это приводит к вопросу, могут ли существовать одинаковые концептуальные метафоры в двух языках, если концепты, проявляющиеся в доменах, полностью не совпадают.

³Оригинальная работа включает: *joy, surprise, sadness, anger, disgust, expectation, acceptance, fear.*

4.2. Эмоции как домен концептуальной метафоры

Ковечеш (2010: 23) говорит, что домен эмоций является превосходным целевым доменом. Понимаем, что эмоции, так как и большинство целевых доменов является абстрактным объектом. Все-таки, эмоции проявляются на протяжении всей человеческой жизни и не удивляет, что люди всегда пытались объяснить такие явления. Особенно в случае, когда явления сильно влияли на человека. Именно поэтому эмоции очень часто понимаем через концептуальные метафоры. Ковечеш говорит, что исходные домены для понимания эмоций обычно включают силы. Лакофф и Джонсон раньше указали, что существуют три самые часты концептуальные метафоры, связанные с эмоциями: ГЛАЗА – ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЭМОЦИЙ, ДЕЙСТВИЕ ЭМОЦИЙ – ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТАКТ, ФИЗИЧЕСКИЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ – ЭТО СУЩНОСТИ В ЧЕЛОВЕКЕ (2004: 84-6). Очевидно, что вторая метафора Лакоффа и Джонсона совпадает с утверждением Ковечеша. Но, эти метафоры, как раньше предупреждала Вежбицкая, относятся именно к английскому языку. Если посмотрим оригинальные примеры Лакоффа и Джонсона и перевод Баранова и Морозовой (2004: 84-6), видно, что иногда невозможно сохранить концептуальную метафору в переводе. Но, все-таки, примеры всех трех упомянутых метафор можно найти в русском языке. Например, концептуальную метафору ДЕЙСТВИЕ ЭМОЦИЙ – ЭТО ФИЗИЧЕСКИЙ КОНТАКТ можно увидеть в английском «His mother's death *hit* him *hard*», так же как и в русском «Смерть его матери *сильно потрясла* его». Из восьми примеров, которые приводят Лакофф и Джонсон, для пяти примеров существует переводный эквивалент, но в остальных трех примерах переводчики не успели сохранить концептуальную метафору. Что касается второй метафоры, ФИЗИЧЕСКИЕ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ – ЭТО СУЩНОСТИ В ЧЕЛОВЕКЕ, в тех предложениях, которые обозначают эмоциональные состояния, увидим, что снова появляется восемь примеров. Четыре из этих восьми можно перевести, сохраняя метафору. Например: «The smile *left* his face», т.е. на русском языке «Улыбка *пропала* с его лица». Третья концептуальная метафора, ГЛАЗА – ВМЕСТИЛИЩА ДЛЯ ЭМОЦИЙ, на самом деле, используется обоими языками больше всех остальных. Для всех семи примеров на английском языке, существует эквивалент на русском языке. Например: «Her eyes *welled* with emotion» на английском языке, имеет одинаковое значение, как и «Ее глаза *были переполнены* эмоциями», сохраняя концептуальную метафору.

Но, смотря только на одну книгу и один перевод невозможно понять как действительно говорящие понимают эмоции в своем языке. Здесь можно обратиться к устойчивым

выражениям, которые представляют собой одно неразложимое целое – фразеологизмам. Анализ фразеологизмов, между прочим, может помочь понять человеческое представление мира в языке.

4.3. Эмоциональная фразеологическая картина мира

На первом месте в создании языковой картины мира – человек: «человек созерцает мир, осмысливает его, ощущает, познает, отражает действительность, и эта действительность отражается в языке» (Шамстудинова, эл. публ.). На понимание мира, который нас окружает, влияет опыт и знание старших поколений, но также и наших собственных. Шаховский говорит, как языковая картина мира формируется «благодаря регулярным семантическим связям между словами и понятиями, которые входят в тезаурусы» (Шаховский 2019:36). Среди различных картин мира (таких как концептуальная, звуковая, цветовая, образная, и т.п.) выделяются фразеологическая и эмоциональная картина мира. Красавский определяет эмоциональную языковую картину мира как «определенное множество эмоционально 'проработанных' человеком на базе сенсорных, тактильных, в целом — перцептивных образов, исходящих от окружающей среды, представлений, восприятий, ощущений оязыковленных понятий, являющихся проекцией нашего внутреннего, психического мира» (Красавский 2001: 29). В каждом языке появляется определенный эмотивный код, поскольку каждый человек эмоциональное существо. Как утверждает Шаховский, эмоциональная картина мира не может быть единственной, поскольку на создание картины не влияет только один человек, одно поколение, а каждое поколение добавляет часть своего времени, элементы своего периода и таким образом все время создается картина мира (Шаховский 2019: 42). С другой стороны, лингвисты доказывают, что особенно во фразеологии представлен дух народа, особенности менталитета этноса, потому что «в семантике большинства фразеологических единиц имеет место коннотативный культурный компонент, являющийся своего рода транслятором информации о культуре того или иного народа» (Шамстудинова, эл. публ.). Фразеологизмы таким образом можно считать переносчиком культурной информации. Это уже в 1981 году утверждала Вероника Николаевна Телия, одна из ведущих лингвистов, особенно в области фразеологии. Она считает, что, «фразеологизмы возникают в национальных языках, на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который безусловно связан с

его культурными традициями, ибо субъект номинации и речевой деятельности – это всегда субъект национальной культуры» (Телия 1981, по Телия 1996: 214). Если действительно во фразеологизмах образуются национальные признаки народа того языка, тогда там можно найти и культурные символы, знаки и концепты, находящиеся в подсознании говорящего на этом языке.

Понимая культурный эмотивный код, сохраненный во фразеологической картине языка, можно сделать шаг дальше в понимании культуры определенного народа.

5. Анализ фразеологизмов, относящихся к эмоциям радости, печали и гнева

Считая фразеологизмы зеркалом, отражающим человеческую интерпретацию мира, можно анализировать их значение и происхождение, чтобы понять культурный эмотивный код. В данной работе в качестве первоисточника фразеологизмов в русском языке использовались важнейшие фразеологические словари. По большей части, это словари: *Учебный фразеологический словарь* (1997), *Фразеологический словарь русского языка* (1967), *Фразеологизмы в русской речи* (2005), *Русская мысль и речь* (1986-1912), *Русская фразеология: Историко-этимологический словарь* (2005), *Большой словарь русских поговорок* (2007), *Большой фразеологический словарь русского языка* (2006), и *Фразеологический словарь русского литературного языка* (2008).

В число проанализированных фразеологизмов включены те фразеологизмы, чье значение можно объяснить через концептуальные метафоры, которые привели Лакофф и Джонсон, и те, которые обнаруживаются у Ковечеша, но даже и те, которые раньше не упоминались в этих работах. Но, эта работа сосредоточена на те фразеологизмы, чье значение связано со следующими эмоциями: радость (счастье), печаль и гнев. Для анализа эмоций взяты категории Вежбицкой (1999: 49), которые включают 6 тем, а в работу включены первые три:

1. произошло что-то хорошее – радость, быть счастливым (*happiness, being happy*)
2. случилось что-то плохое – печаль, горе (*sadness, grief*)
3. я не хочу, чтобы такие вещи происходили – гнев, возмущение (*anger, indignation*)
4. что-то плохое может случиться / произойдет – страх, беспокойство (*fear, anxiety*)
5. думать о других людях – зависть, злорадство (*envy, Schadenfreude*)
6. думать о себе – стыд, раскаяние (*shame, remorse*)

Перед анализом фразеологизмов, относящихся к определенной эмоции, дается её определение и обсуждается способ её описания на лексическом уровне русского языка.

5.1. Радость

Радость эмоция, которую Даль (1863-1866), определяет как «внутреннее чувство удовольствия, приятного, вследствие желанного случая» Ожегов (1949-1992) как «веселое чувство, ощущение большого душевного удовлетворения», а Ушаков как «чувство удовольствия, внутреннего удовлетворения, веселое настроение» (Ушаков, 1935-1940). Энциклопедический словарь по психологии и педагогике (2013, дальше: ЭСПП) определяет такую эмоцию как «наслаждение, внутреннее чувство удовольствия вследствие желанного случая», которое может сочетаться с «благодарностью, удовлетворением, облегчением, благодушием, весельем, счастьем, удивлением, благочестием». Сразу из определений слова *радость* можно понять, что связанными с ним понятиями являются: *удовольствие*, *веселье*, и *удовлетворение*. Проявлением радости, ЭСПП (2013) упоминает смех, покраснение лица, прыгание, сжатие поднятых вверх рук, и слезы радости. Интересно, что в источниках, в которых упоминаются базовые эмоции на русском языке можно встретить лишь слово *радость*. Но в лингвистических работах, исследующих выражение эмоций, слово *happiness*, встречающееся в английских работах, переводится как *счастье*⁴. Счастье ЭСПП (2013) определяет как «оптимальное для конкретного индивида сочетание различных благ, выражающееся в чувстве внутреннего удовлетворения тем, как складывается его жизнь в целом». На самом деле, это значит, что речь идет об эмоциях, относящихся к разным уровням внутреннего удовлетворения.

Вежбицкая, с другой стороны, выделяет ужеупомянутую категорию «произошло что-то хорошее», внутри которой находится восемь слов, именуя радость (*joy*) и счастливый / счастье (*happy / happiness*) как первые два. Остальные включают: довольство (*content*), удовольствие (*pleasure*), восторг (*delight*), облегчение (*relief*), возбуждение (*excitement*), и надежду (*hope*) (Вежбицкая 1999: 50). Но, иногда эти концепты не имеют четких разграничений. В анализ включены те фразеологизмы, чье значение относится к первым двум подгруппам – быть радостным и быть счастливым.

⁴Посмотри: Вежбицкая (1986), Вежбицкая (2004), Левонтина и Зализняк (2001)

5.1.1. ЧАСТЬ ТЕЛА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ

Как уже упомянуто в работе, Лакофф и Джонсон (2004: 84-5) приводят три самые частые метафоры, связанные с эмоциями, а в одной из них появляется первая важная часть тела – глаза: ГЛАЗА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ. Их примеры, в которых не высказывается только эмоция радости, можно полностью перевести на русский язык, сохраняя концептуальную метафору. Ковечеш (2010: 317), с другой стороны, определяет самые частые проявления эмоций, включая светло в глазах, смех, улыбку, слезы и др. Как объясняют Иорданская и Паперно, глаза очень часто употребляются для указания на ряд эмоций, как например: *глаза выражают удивление (или радость), в глазах – удивление, [...], глаза полны [чего-то]* (1996). Такие эмоции не ограничены только на радость, но именно те, сосредоточенные на радость, включают сияние: *сиять / засиять: глаза сияют (от радости), светиться / засветиться: глаза светятся (от радости), вспыхивать / вспыхнуть: в глазах вспыхнула радость* (Иорданская, Паперно, 1996). Они здесь также подчеркивают, что глаза также могут и гореть, т.е. можно употребить выражения: *глаза горят, глаза загораются, огонь в глазах, огненные глаза*, но они не ограничены только на радость, а могут относиться и к гневу. Здесь впервые появляется вопрос, идет ли речь о фразеологизмах или о свободных словосочетаниях. Если возьмем элементы Пустошило для анализа можно сказать, что эти словосочетания соответствуют всем критериям – содержат переносное значение, сумма значений отдельных элементов не совпадает с фразеологическим значением, обладают эмотивно-экспрессивной окраской и образностью. Поэтому можно сказать, что здесь речь идет о фразеологизмах **огонь в глазах у кого, чьих** и **глаза горят (загораются) у кого, чьи**⁵, которые могут относиться к счастливому или сердитому человеку. Единственный пример связи глаз и эмоции радости, фиксированный в проанализированных словарях – **глаза играют у кого**, для описания радостного человека из-за вида чего-то или кого-то (Мокиенко, Никитина 2007). Интересно, что упоминается фразеологизм **одна радость в глазу у кого**, но такой фразеологизм не обозначает радость, а что-то единственное, то, что дает утешение кому-то (Федоров, 2008).

Другой вид вместилища для эмоций – лицо в целом. Иорданская и Паперно (1996) приводят следующие выражения для описания радости видной в лице: *лицо сияет (от*

⁵ Глагол *гореть* появляется на первом месте, потому что поиск в корпусе *ruTenTen* показал 9397 результатов с ним, а 4027 со словом *загореться*. Грамматическая сочетаемость также исходит из данных корпуса.

радости), *лицо осветилось (радостью)*, *лицо просветлело, просветленное лицо*. Но, хотя такие устойчивые словосочетания можно часто услышать в русском языке, они не зафиксированы как фразеологизмы в проанализированных словарях. Здесь перед нами снова вопрос об основных свойствах фразеологизмов. Данные словосочетания содержат коннотативный компонент – у них переносное значение, потому что образ внешнего вида метафорично представляет радость. Такой образ служит функции характеристики, а лексический состав и местоположение компонентов являются постоянным и не создаются в процессе речи. Но, что касается значения, его можно предположить в случаях упоминания факультативного компонента *от радости* или *радостью*, хотя значение непосредственно не вытекает из суммы значений его компонентов. На самом деле, по нашему мнению, здесь речь идет о фразеологизме **лицо сияет (осветлилось, просветлело) <от радости (радостью)> у кого**, потому что мыслительный образ основан на внешнем взгляде радостного человека, но теперь метонимически употребляется очень часто для описания радостного состояния в общем⁶. Это также можно сказать и для варианта, включающего компонент *глаза*: **глаза сияют (светятся) <от радости> у кого**. Федоров (2008) фиксирует один похожий фразеологизм **сияет, как масляный блин** и его вариант **сияет, как блин на Масленицу**. Фразеологизм употребляется для описания человека, который выглядит счастливым и довольным. Но, различие между данным фразеологизмом и остальными в том, что лицо здесь сияет как маслянистый блин из-за самого масла, что не полностью связано со светом как внешним указателем радости.

5.1.2. ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА

В своем анализе концептуальных метафор Ковечеш выделяет самые частые метафоры с доменами, касающимися эмоций, подчеркивая, что такие метафоры почти всегда включают какую-то силу. Согласно его анализу, такая сила может быть силой природы, физической силой, или та, которая дислоцирует самого себя (Ковечеш 2010: 108). С другой стороны, он приводит и уже упомянутый список реакций нашего тела на переживание эмоций. Он говорит, что кроме света в глазах, еще одна важная реакция нашего тела на эмоцию радости – смех (2010: 112).

Первым выражением эмоций у русских Вежбицкая упоминает *смех* и *хохот*, два самых очевидных проявления радости у человека. Смех можно определить как 'гласное

⁶ 2149 результатов поиска *лицо+светиться* в корпусе *ruTenTen*

проявление в человеке веселости...' (Даль, 1863-1866) или как 'короткие и сильные выдыхательные движения [...], возникающие у человека, когда он испытывает какие-нибудь чувства (преим. при переживании радости, веселья...)' (Ушаков, 1935-1940). Хохот в обоих словарях упоминается как синоним этого слова, или отдельно как 'громкий смех' (Ушаков, 1935-1940; Ожегов, 1949-1992). Очевидно, что основное значение этих двух слов относится к радости, но не так очевидно, чтобы можно было понять такой концепт как вид силы. Вежбицкая приводит примеры коллокаций из *Русско-английского коллокационного словаря человеческого тела*⁷, где указывает на факт, что часто люди смеются сильно, без ограничений, «не контролируя телесное выражение своих хороших чувств» (1999: 221). На самом деле, в таких случаях, смех или хохот можно видеть как силу, которая овладевает человеком. Хотя почти все словосочетания, приведенные Иорданской и Паперно в словаре (1996), можно связать и анализировать через концептуальные метафоры, не все словосочетания зафиксированы во фразеологических словарях, и поэтому мы рассматриваем, можно ли их считать фразеологизмами.

Первое словосочетание, упомянутое Иорданской и Паперно (1996), на самом деле является фразеологизмом: **разразиться / разражаться смехом**. По Ушакову, глагол *разразиться* носит основное значение 'проявиться с силой' и переносное 'выразить в каком-нибудь сильном внешнем проявлении свое отношение к чему-нибудь' (1935-1940). Здесь на самом деле, конечно, речь не идет о буквальном значении этого словосочетания, но все-таки сохраняется элемент силы. Михельсон определяет значение фразеологизма как громко раздающееся явление смеха, имея в виду намек на гром, разразившийся при блеске молнии (1986-1912). Основное значение этого фразеологизма можно понять через концептуальную метафору с исходным доменом СИЛА. Но, имея в виду, что на самом деле речь идет не о поддающемся контролю явлении, так как рисуется образ молнии, можно еще более детально определить исходный домен, называя его НЕКОНТРОЛИРУЕМАЯ СИЛА. Это приводит к концептуальной метафоре, которая описывает радостного человека: СМЕХ – ЭТО НЕКОНТРОЛИРУЕМАЯ СИЛА.

В группе с одинаковым значением, Иорданская и Паперно (1996) приводят еще два словосочетания, на самом деле фразеологизма: **закатиться / закатываться смехом** и **залиться / заливаться смехом**. Фразеологизм, зафиксированный Федоровым и Ушаковым – **кататься со смеху**, имеет одинаковый корень глагола, как и

⁷Оригинальное название: *The Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body* (1996)

словосочетание, приведенное Иорданской и Паперно, но часть значения отличается. Ушаков объясняет значение глагола через движение, которое повторяется и совершается в разное время и в разных направлениях (1935-1940). На самом деле, смех заставляет человека двигаться неудержимо и необычно, так что его можно отнести к этой концептуальной метафоре. Но, значение фразеологизма **кататься со смеху** с пометой, указывающей на разговорный стиль и фамильярную форму, определяется как 'сильно хохотать' (Ушаков, 1935-1940). В отличие от его толкования фразеологизма, Федоров определяет фразеологизм экспрессивным и просторечным, а даже его описание значения отличается: 'неудержимо, до изнеможения хохотать' (2008). В УФС (1997) чуть изменяют форму фразеологизма и фиксируют вариант **покатиться / покатываться со смеху** с пометой, указывающей на то, что такой фразеологизм употребляется в разговорном стиле. Значение описано почти одинаково: 'громко, безудержно смеяться, хохотать' (1997), что показывает, что такие два варианта фразеологизма имеют одинаковое значение. Дополнительный фразеологизм, связанный с ними – **валяться со смеху**. Фразеологизм обозначает движение в ту и другую сторону, как описывает Федоров (2008) – «неудержимо». Добавляя оттенок значения «неудержимо» и «безудержно», снова появляется тот же концепт силы, которую невозможно контролировать. Поэтому такие варианты фразеологизма можно отнести к группе СМЕХ – ЭТО НЕКОНТРОЛИРУЕМАЯ ДВИГАТЕЛЬНАЯ СИЛА. Но, Федоров добавляет и вариант, который не включает существительное *смех*, а *хохот* – **покатиться / покатываться с хохоту (от хохота)** (2008). Такой вариант фразеологизма по Федорову имеет одинаковое значение, с одинаковыми пометами. На самом деле, это значит, что даже его можно понимать как проявление концептуальной метафоры СМЕХ – ЭТО НЕКОНТРОЛИРУЕМАЯ ДВИГАТЕЛЬНАЯ СИЛА, имея в виду, что хохот в своей основе – смех.

Следующий фразеологизм, **залиться / заливаться смехом**, зафиксирован в словаре Михельсона как громкий смех с перекатами голоса (1986-1912). На самом деле, можно понять, что если использован глагол *залиться*, который ассоциирует воду или какую-нибудь жидкость, здесь речь не будет о силе, а о жидкости. Интересно, что Ковечеш приводит пример концептуальной метафоры СЧАСТЬЕ – ЭТО ЖИДКОСТЬ В СОСУДЕ, в которой сохраняется мыслительный образ жидкости, который из-за количества (эмоции) переполняет сосуд (Ковечеш 2010: 98). Чтобы сохранить концепт жидкости в сосуде, которая превосходит крайнюю степень полноты, можно также употребить словосочетания *быть переполнен счастьем* или *счастье переполняет кого*. Хотя эти словосочетания часто используются в русской речи, они не фиксированны во

фразеологических словарях как фразеологизм. Но, на самом деле, описание радостного человека как такого, переполненного счастьем по своей сути образное, метафоричное и содержит экспрессивно-эмоциональную окраску. Оно указывает на другое значение, чем сумма значений его компонентов, лишь не непосредственно. Поэтому, по нашему мнению, можно говорить о фразеологизме в форме **счастье переполняет кого**. Такое понимание счастья важно, потому что по той же аналогии, во фразеологизме **залиться / заливаться смехом** можно распознать концептуальную метафору СМЕХ – ЭТО ЖИДКОСТЬ В СОСУДЕ. Но, хотя в определении домена как жидкость не очевидна сила, все-таки сохраняется мыслительный образ силы, которая вызывает переполнение сосуда, что указывает на интенсивность смеха.

Иногда смех до изнеможения можно описать и используя следующие фразеологизмы: **падать от смеха (со смеху)** и **треснуть со смеху**. Хотя на самом деле в приведенных фразеологизмах речь идет о поведении, которое может повредить человека, особенно во втором фразеологизме, в центре значения также какое-то движение. Во первом фразеологизме мыслительный образ относится к движению вниз, во втором это также движение вниз, но в обоих случаях с потенциальными вредными последствиями. Поэтому можно сказать, что мыслительный образ образуется по концептуальной метафоре СМЕХ – ЭТО ВРЕДНАЯ СИЛА.

Иорданская и Паперно (1996) приводят по концепту похожее словосочетание *надрывать от смеха*, которое Федоров фиксирует в форме фразеологизма **надорваться / надрывать от смеха**. Этот фразеологизм также носит примету разговорного стиля и экспрессивной окраски, со значением 'смеяться до изнеможения' (Федоров, 2008). Если посмотрим значение самого глагола использованного во фразеологизме – 'повредить себе внутренние органы, делая чрезмерные усилия; перен. переутомиться, изнемочь, делая чрезмерные усилия' – можно более удачно описать такую неконтролируемую силу, как например СМЕХ – ЭТО ВРЕДНАЯ СИЛА, потому что в центре значения находится вред, который этот смех может нанести. Похожий мыслительный образ вызывает фразеологизм **надорвать живот (животики) со смеху (от хохота)** зафиксирован Быстровой и др. (1997) в значении 'насмеяться, нахохотаться до изнеможения'. Михельсон (1986-1912) добавляет возможность употребления несовершенного вида глагола в составе фразеологизма – **надрывать животики**, но не упоминает возможность употребления вариантного существительного *живот*. Так как речь идет об одинаковом глаголе, здесь более детально указывается на часть тела, на

которую влияет сила смеха, поэтому снова можно отнести фразеологизм к концептуальной метафоре СМЕХ – ЭТО ВРЕДНАЯ СИЛА.

Федоров (2008) приводит пример фразеологизма **смех разобрал (разбирает) кого** с пометой, указывающей на то, что речь идет о разговорном и экспрессивном фразеологизме. Значение фразеологизма 'кому-либо хочется смеяться' показывает, что здесь смех понимается как большая сила, которая управляет человеком, а не человек ей. Но, здесь важно подчеркнуть, что глагол носит основное значение 'разнять по частям или на части, разложить на части', что приводит к мыслительному образу уничтожения кого-то от смеха. Такое значение фразеологизма можно понять через концептуальную метафору СМЕХ – ЭТО УНИЧТОЖАЮЩАЯ СИЛА. Существует и похожий фразеологизм, в рамках которого также употребляется такой концепт уничтожения, т.е. разделения на части от смеха: **разорваться / разрываться от смеха**. Снова речь идет о разговорном стиле и экспрессивной окраске фразеологизма, и концепт уничтожающей силы также сохраняется (Федоров, 2008).

Образ уничтожения сохраняется даже в следующем фразеологизме – **лопнуть со смеху**, зафиксированном Федоровым и Михельсоном, так же как и в вариантах **лопнуть от смеха** (Мокиенко 2005: 647) и **лопнуть от смеха (от смеху)** (УФС, 1997). Объяснение значения фразеологизма включает словосочетания как: «безудержно» (УФС, 1997; Мокиенко 2005: 647) и «до изнеможения» (УФС, 1997; Федоров, 2008). Если учитываем основное значение глагола *лопнуть*, 'треснув, прийти в негодность, разломаться, получить трещину; перен. не выдержать сильного физического или психического напряжения' (Ушаков, 1935-1940) снова можно связать концепт смеха с концептом уничтожающей силы, которая разламает человека, через концептуальную метафору СМЕХ – ЭТО УНИЧТОЖАЮЩАЯ СИЛА. Интересно, что одно из значений глагола *лопнуть* именно перестать существовать или перестать действовать (Ушаков, 1935-1940). Мокиенко объясняет этимологию фразеологизма, считая его калькой французского словосочетания *crever de rire*, которое может обозначать уничтожение, но также и смерть (Ф-р словарь, 2014). Хотя в русском фразеологизме **лопнуть со смеху** основное значение указывает не прямо на смерть как во французском, все-таки существуют такие фразеологизмы, описанные в следующей части, в которых сила смеха такая интенсивная, что якобы действительно приводит к смерти.

Уже видно, что интенсивность силы в разных фразеологизмах разная, т.е. она усиливается – от только с трудом контролируемой, к вредной, потом уничтожающей, до крайней степени интенсивности – смертельной. Первый пример такого представления о

радости приводит Вежбицкая, которая описывает русский *смех* и *хохот*, и подчеркивает, что в русском можно сказать, что человек умирает от смеха, но в английском только можно сказать что-то как «чуть не умер смеясь» (*nearly died laughing*) (Вежбицкая 1999: 221). Вежбицкая приводит примеры словосочетаний *умирать со смеху* и *помирать со смеху* с очевидной связью со смертью, и *давиться со смеху*, в котором также можно понять смех как смертельное явление. Иорданская и Паперно (1996) приводят те же словосочетания, только последнее они формируют как *давиться от смеха*, в отличие от элемента *со смеху* Вежбицкой. В анализируемых фразеологических словарях приводятся следующие фразеологизмы: **умереть / умирать со смеху**, которое имеет помету разговорного стиля и снова, как и большинство здесь приведенных фразеологизмов, носит значение 'неудержимо, до изнеможения смеяться' (Федоров, 2008). В ФСРЯ (1967: 494) добавляют иную приставку в совершенном виде глагольного компонента – **помирать / умирать со смеху**, но отдельно фиксируют вариант **умереть со смеху** как синоним. Исходя из этого, значение обоих вариантов полностью совпадает со значением, приведенным Федоровым. Интересно, что Федоров добавляет отдельный вариант со префиксом по-: **помереть / помирать со смеху** с тем же значением, как и предыдущие фразеологизмы. На самом деле, так как первый вариант появляется более часто, фразеологизм можно сформулировать как **умереть / умирать (помереть / помирать) со смеху**. Но, иногда такая сила смеха меняет свое направление и можно **уморить со смеху кого**, т.е. сильно насмешить кого-то (Федоров, 2008) или в теперь устаревшей форме **поморить со смеху кого** (2008). Очевидно, что направление такой силы смеха иногда меняется, т.е. меняются агенс и пациенс, но все-таки внимание остается на смертельных последствиях такой силы. Поэтому приведенные фразеологизмы можно отнести к концептуальной метафоре, которая по анализу Вежбицкой не появляется в англоязычных культурах, СМЕХ – ЭТО СМЕРТЕЛЬНАЯ СИЛА.

5.1.3. СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ

Согласно Лакоффу и Джонсону (2004: 35-36), одна из самых частых концептуальных метафор связанных с эмоциями – оппозиция СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, ПЕЧАЛЬ – НИЗУ. Они объясняют этот феномен, говоря, что поза человека обычно указывает на его состояние. Поэтому у печального человека обычно склоненная поза, а прямая поза указывает на позитивные эмоциональные состояния. Но, если посмотрим попытку перевода их примеров на русский язык, видно, что из 10 предложений, половина

переведена, сохраняя концептуальную метафору. В подробном анализе переводов также видно, что четыре из пяти удачных переводов выражают позитивные эмоции, а только одно предложение, относящееся к печальному человеку переведено, сохраняя метафору. Например, английское предложение «*I'm feeling up*», на русском языке звучит: «Я чувствую себя на вершине блаженства» (Лакофф, Джонсон 2004: 35). Ковечеш, интересно, упоминает самые частые метафоры и выделяет: СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ – БЫТЬ ОТОРВАННЫМ ОТ ЗЕМЛИ, и БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ – БЫТЬ НА НЕБЕСАХ (2010: 101).

Во-первых, обретение уверенности, бодрости и хорошего настроения можно описать с помощью фразеологизма **воспрянуть духом**. На самом деле, как объясняет Телия (2006: 511), люди, воспрянувшие духом, преодолели чувство уныния и как будто приближаются высшему, небесам. Мыслительный образ такого процесса изображает движение вверх, которое символизирует улучшение состояния.

Яранцев и Горбачева (2009: 7) в группе фразеологизмов относящихся к эмоциям восхищения, восторга, радости и счастья выделяют следующие три фразеологизма, основанные на представлении, что счастье соответствует верху: **вознести / возносить (превознести / превозносить) до небес, быть (почувствовать / чувствовать себя) на верху блаженства, быть (почувствовать / чувствовать себя) на седьмом небе.**

Федоров толкует фразеологизм **превознести / превозносить до небес кого, что** со значением 'чрезмерно расхваливать', (2008), а Михельсон (1986-1912) описывает похожий фразеологизм **превозносить выше небес** в значении высшей хвале и славе кого-то. Хотя хвала и слава часто влияют на радостные эмоции человека, здесь не речь непосредственно об эмоции радости. Этот фразеологизм относится к потенциальному объекту, который не обязательно будет испытывать именно радость.

Мокиенко и Никитина (2007) фиксируют форму **быть на верху блаженства** с пометой разговорного стиля, в значении 'быть безгранично счастливым, глубоко удовлетворенным'. Федоров приводит зафиксированный фразеологизм только в эллиптической форме **на верху блаженства**, которая в разговорном стиле с экспрессивной окраской обозначает счастье и удовлетворенность (2008). Но, если учитываем одно из значений существительного *блаженство*, которое относится к религии, его можно описать как эмоциональное состояние высшей степени удовольствия, причём оно «испытывается значительно сильнее и глубже, чем радость, веселье, смех, ибо достигается благодаря вере в Бога и соблюдению Его» (Безрукова,

2000). Поэтому, можно заключить, что домен верх в этой концептуальной метафоре не соответствует только физическому пространству, а также и духовному.

Мелерович и Мокиенко (2005: 432) выделяют основную форму фразеологизма – **быть на седьмом небе от чего** со значением 'испытывать чувство глубокого удовлетворения, восторга, блаженства; чувствовать себя счастливым'. Вариант с глаголом *чувствовать* и его видовой парой *почувствовать*, авторы выделяют как структурное преобразование фразеологизма заменой компонента. По их мнению (2005: 432-4) устойчивые варианты данного фразеологизма включают: **остаться на седьмом небе счастья** (в котором расширился состав фразеологизма и произошла замена глагольного компонента) и **быть на десятом небе от чего** (заменен компонент порядкового числительного). Фразеологизм **переселить на седьмое небо кого**, где произошла замена глагольного компонента, которая приводит к синтаксической и морфологической трансформациях, основан на похожем концепте, но радость теперь относится к потенциальному объекту действия. Но, как они отмечают, ключевой элемент фразеологизма именно **седьмое небо**, которое может выступать как отдельный фразеологизм, или **на седьмом небе от чего**, используя эллипсис при образовании фразеологизмов (Мелерович, Мокиенко 2005: 434). Крылова (эл. публ.) объясняет большое число фразеологизмов с компонентом *седьмого неба* посредством языческих верований. Она говорит, что седьмое небо считалось «древним олицетворением счастливого, благополучного, защищённого места» (эл. публ.). Барабанов и Добровольский (2009: 332) объясняют, что «идея радости усиливается за счет употребления числа 7, обладающего в христианской и некоторых других культурах символической функцией 'хорошее число'», а в этом же значении иногда используется ужеупомянутое числительное *десятый*. Мелерович и Мокиенко (2005: 434) более подробно описывают историю создания такого представления. Считалось, что на седьмой сфере находилось царствие небесное, т.е. рай, куда отправляются все честные души. Но, хотя подобное представление существовало и у других восточных славян, как например у украинских крестьян, которые представляли семицветную радугу как отражение семисферного небесного свода, этот русский фразеологизм взят из французского языка (там же). Интересно, что Пирирайнен (2020: 24), говоря о переносном значении фразеологизмов, ссылается на работы Добровольского. Она приводит пример именно английского фразеологизма «*to be in seventh heaven*», чтобы доказать существование полных эквивалентов фразеологизмов в различных языках. По её анализу, этот фразеологизм имеет фразеологические эквиваленты в даже 60 европейских языках, а некоторые из них являются даже полными эквивалентами.

5.1.3. ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕДА

Ковечеш (2010: 4) в список самых частых исходных доменов включает концепт еды. Он приводит концептуальные метафоры: ИДЕИ – ЭТО ЕДА (2010: 83), ЛЮБОВЬ – ЭТО ПИТАТЕЛЬНОЕ ВЕЩЕСТВО, ЕДА ИЛИ ПИТЬЕ (2010: 95). Хотя любовь можно связать с эмоциями и чувствами, Ковечеш все-таки не включил другие эмоции как целевые домены концептуальных метафор, включающих домен еды. Но, иногда такую концептуальную связь можно увидеть через этимологическое происхождение определенных фразеологизмов, как например **не жизнь, а малина**. На первый взгляд видно, что слово *малина* в основном значении относится к сорту фруктов, т.е. виду еды. Мелерович и Мокиенко (2005: 231-2) фиксируют значение как 'полная удовольствий, радостей жизнь'. В более детальном описании происхождения фразеологизма упоминают, что малина является важным символом русского фольклора, в отличие от *калины*. Малину описывают как что-то «вкусное, красивое, приятное», из-за чего фразеологизм обозначает не только сладкую жизнь, а также удобную, полную благами, «без которых невозможно человеческое счастье». Малина также является ключевым элементом фразеологизма с похожим значением – **разлюли малина (разлюли-малина)**. Слово *разлюли* в русском языке появляется только в данном фразеологизме (Ушаков, 1935-1940), а упомянутая комбинация употребляется для описания 'вольготной, благополучной, беспечной жизни' (Мокиенко, Никитина 2007). Именно таким определением указывается на присутствие концептуальной метафоры, которую более узко можно определить как РАДОСТЬ – ЭТО СЛАДКАЯ ЕДА.

К той же категории условно можно отнести еще один фразеологизм – **в шоколаде [быть, кататься, купаться и т. п.]**. Здесь важно упомянуть, что концепт радости в этом фразеологизме появляется как чувство, которое связано с чувствами благополучия и везения, видных в описании значения фразеологизма: 'о приятной ситуации, везении, благополучном стечении обстоятельств' (Елистратов 2002). Вариант упомянутого фразеологизма – **[всё] в шоколаде!** – приводят Мокиенко и Никитина (2007) со значением 'все в порядке, все отлично', что снова не напрямую связано с данной эмоцией, но доводит до счастья и радости.

5.2. Печаль

Эмоция, часто считающаяся противоположной радости, относится к невеселому, нерадостному, озабоченному чувству (Ушаков, 1935-1940), а обычно связывается со чувствами как грусть, скорбь и тоска (Ефремова, 2000). Ефремова даже говорит, что чувство печали можно узнать по грустному, скорбному выражению глаз, лица, уст и т.п. (2000). ЭСПП (2013) определяет печаль как «психическое состояние, обусловленное переживаниями утраты и сопровождающееся снижением интереса к внешнему миру, погруженностью в себя и поглощенностью воспоминаниями, вызывающими неприятный осадок». Они добавляют, что в русском языке её связываем с чувствами грусти, скорби, и душевной горечи.

Как Вежбицкая определяет, такую эмоцию можно отнести к группе «случилось что-то плохое» (1999: 49). Но, хотя в английском языке очень просто определить, что значит *sadness*, Вежбицкая предупреждает, что в англо-русских словарях очень часто переводят такой концепт как печаль, грусть или даже тоска (1999: 40). Но, самая большая разница между двумя концептами – печалью и грустью, находится в степени серьезности ситуации: печаль считается более глубокой, а грусть более легкой. Также, печаль подразумевает, что что-то плохое случилось, а это не обязательная часть значения слова *грусть* (Вежбицкая 1999: 44-5). Кроме основного концепта печали, в ужеупомянутой группе эмоций находятся также: несчастье (*unhappiness*), бедствие (*distress*), скорбь (*sorrow*), горе (*grief*), отчаяние / уныние (*despair*), разочарование (*disappointment*), расстройство (*frustration*) (Вежбицкая 1999: 60). Последние два концепта не полностью принадлежат этой группе, потому что указывают на то, что что-то хорошее не случилось, в отличие от остальных, в центре которых находится плохое действие (Вежбицкая, 1999: 70-72). Поэтому фразеологизмы, относящиеся к данным концептам не включены в анализ.

5.2.1. ЧАСТЬ ТЕЛА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ

Первая ассоциация, связанная с печалью – плач. Очень часто, когда чувствуем печаль, хотим плакать и образ печального человека обычно образ плачущего человека, т.е. человека с глазами переполненными слезами. Слезы часто являются символом печали, хотя их проявление не нужно указывает только на эмоцию печали. Поэтому можно говорить о концептуальной метафоре ГЛАЗА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ. Вежбицкая

утверждает, что в отличие от английских слез, которые указывают на немногие эмоции, русские слезы могут обозначать стыд, зависть, раздражение, сострадание и т.п., но обычно тогда появляются в коллокациях: *слезы восторга, слезы обиды, слезы раскаяния, слезы досады, слезы сочувствия* (1999: 225). Хотя слезы не являются признаком только печали, все-таки их самая частая причина именно горе, как говорит одна пословица русского народа – **Где горе, тут и слезы**. Другими словами, или другой пословицей – **У горя и слезы** (Даль 1879:147). Вежбицкая (1999: 224) приводит ряд выражений, в которых значение относится к печали: *слезы лить, проливать слезы, заливаться слезами, обливаться слезами*. В ФСРЯ, с другой стороны, фиксируют чуть иной ряд фразеологизмов. Фразеологизм чье первое значение обозначает плач, но также может относиться и к горькому плачу, находится на первом месте – **пролить / лить слезы** (ФСРЯ 1967: 227). Если сравним такой фразеологизм с другими приведенными Войновой и др., он является самым нейтральным. Плач меньшей степени можно выразить фразеологизмом **пустить / пускать слезу**, т.е. 'всплакнуть, немножко поплакать' (ФСРЯ 1967: 371). Интересно, что это единственный пример фразеологизма, обозначающего незаметный, короткий или тихий плач. Большинство фиксированных фразеологизмов, относящихся к плачу, описывают сильные эмоции и сильный плач. Значение 'горько, безутешно плакать' можно выразить с помощью фразеологизма **облиться / обливаться (умыться / умываться) слезами** (ФСРЯ 1967: 291). В этом фразеологизме также сохраняется образ потока, который делают слезы у плачущего человека. Но, чрезмерный плач может довести до утопа, как в образе фразеологизма **утопать в слезах** описывается безутешный плач (ФСРЯ 1967: 500). Похожий образ рисуется во фразеологизме **броситься в слезы**, приведенном Михельсоном (1986-1912). Хотя его значение ограничено только на 'заплакать', сходство в том, что в обоих случаях слезы представляются как такое количество воды, в котором можно утопиться или в которое можно броситься. Существует похожий образ, хотя не полностью совпадающий, находящийся в словосочетании **весь (вся) в слезах**, где также можно считать слезы объектом, в который можно войти (Вежбицкая 1999: 223). Описание печального человека полностью в слезах по своей сути метафоричное, образное и содержит экспрессивно-эмоциональную окраску. Оно часто используется в русской речи, но еще не фиксированно во фразеологических словарях в качестве фразеологизм. Но, на самом деле, по нашему мнению, описанное словосочетание является фразеологизмом. Последний пример глагольного фразеологизма, обозначающего безутешный плач человека, который много и часто плачет – **не осушать глаз** (ФСРЯ 1967: 299). Хотя в

этом случае не употребляется слово *слезы*, отсутствие сухоты глаз указывает именно на присутствие слез в глазах. С другой стороны, появляются фразеологизмы, которые указывают на прекращение печали, видное именно в сухоте глаз. Таким образом, фразеологизм **осушить / осушать <свои> слезы** употребляется во значении 'перестать плакать' (ФСРЯ 1967: 299). Но, также можно употребить вариант этого фразеологизма – **осушить / осушать слезы чьи, кому**, которое буквально относится к прекращению печали, другими словами, к попытке 'утешать, успокаивать плачущего' (ФСРЯ 1967: 299). Хотя, конечно, здесь речь идет о прекращении печали не субъекта, а объекта действия, которого субъект утешает. Здесь также интересно упомянуть фразеологизм **глаза на мокром месте у кого**, который можно употребить для описания человека, часто плачущего (Мокиенко 2005: 139).

Уже упомянуто, что большинство фразеологизмов, относящихся к печали, относятся именно к горькому плачу. Один интересный фразеологизм приводит Михельсон (1986-1912) – **горючие (жгучие) слезы**, который обозначает слезы 'с сильного горя обильно и горячо проливаемые'. Слово *горючий* обычно употребляется в словосочетаниях с существительными, относящимися к тому, что может гореть. Но, в переносном значении может употребляться и со словом *слезы*, обозначая 'горькие слезы', согласно словарю Ушакова (1935-1940). Ушаков также упоминает фразеологизм **жгучие слезы**, но не связывает их со словосочетанием **горючие слезы**, даже не приводя одинаковое значение. Он описывает первый упомянутый фразеологизм как 'выражение сильного горя, печали' (1935-1940). Значение мучительного плача и рыдания Мокиенко (2005: 642) фиксирует во фразеологизме **кровавыми слезами плакать (восплакаться)**. Речь идет о фразеологизме типичном для книжной речи, относящемся к мифу о Зевсе, у которого умер сын Сарпедон. Мокиенко напоминает, что фразеологизм появляется в греческом и немецком языках, а вероятный источник значения – намек на так называемый кровавый дождь (Мокиенко 2005: 642).

Но, иногда надо быть осторожным, потому что некоторые символические компоненты не всегда указывают на одинаковые эмоции. Например **проливать (лить) крокодиловы слезы**, фразеологизм, для которого на первый взгляд кажется, что относится к горькому плачу, употребляется для описания лицемерного, притворного и неискреннего жалования (ФСРЯ 1967: 227). Фразеологизм возник из древнего поверья о крокодилах, которые якобы проливают слезы, прежде чем проглотят свою жертву (Мокиенко 2005: 642). Также, иногда можно **смеяться сквозь слезы**, т.е. печально, грустно, вынуждено смеяться, когда так не чувствуешь себя (Мокиенко 2005: 642). Здесь, на самом деле, речь

идет о печальном состоянии и проявлении метафоры ГЛАЗА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ПЕЧАЛИ, хотя можно ошибочно подумать о слезах радости, из-за компонента *смеяться*.

В анализе эмоции радости упомянуто, что существуют два вместилища для эмоций – глаза и лицо, но по анализу Вежбицкой (1999: 225-7) и Иорданской и Палермо (1996) – их всё-таки надо различать. Лицо от радости может осветиться и сиять, или наоборот, омрачиться и погаснуть от печали. Но, проведенное исследование фразеологических словарей не обнаружило зафиксированных фразеологизмов, обозначающих эмоцию печали, в которых вместилищем является лицо. Поэтому можно заключить, что хотя существуют словосочетания, которые доказывают присутствие концептуальной метафоры ЛИЦО – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ, относящиеся к эмоции печали, эта метафора не проявляется в проанализированных фразеологизмах, зафиксированных в используемых словарях.

В числе важного человеческого символа, сердце в концептуальной метафоре СЕРДЦЕ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ появляется как символ переживаемой эмоции печали. Если **кошки скребут (скребли, заскребли) на душе (сердце) у кого**, то его мучит тревога, грусть, или тоска (Мелерович, Мокиенко 2005: 338). Мыслительный образ кошки, которая физически уничтожает человеческое сердце или его душу, напоминает нам о подавляющем чувстве печали. Такой процесс также можно считать мучительным и причиняющим боль, что доводит до неизбежного упоминания связи печали и боли, о которой речь пойдет в рамках следующей рассматриваемой метафоры.

5.2.2. ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА

Так как эмоция радости в языке проявляется через концептуальную метафору ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА, то же самое кажется логичным и для эмоции печали. По анализу Ковечеша (2010: 334) печаль можно представить как силу природы или физическую силу. Один вид силы, это сила, которая причиняет боль. Валентина и Юрий Апресян (1993: 35) объясняют, что жалость является чувством, которое нарушает душевное равновесие человека, а его тело реагирует на такое чувство как на физическую боль. Они сравнивают примеры употребления слова *боль* и слова *жалость* в словосочетаниях, и делают вывод, что существует аналогия «жалость – физическая боль». Такую аналогию можно представить в форме концептуальной метафоры ПЕЧАЛЬ – ЭТО СИЛА, ВЫЗЫВАЮЩАЯ БОЛЬ. Это видно в словосочетаниях *острая жалость* и *острое горе*, и с другой стороны – *острая боль*. Нередко люди ощущают эмоции как физические проявления в теле, причём

чаще всего в таких случаях в центре внимания сердце. Это особенно относится к эмоции печали, которая как будто влияет на сердце в большой степени. Первым делом, какое-нибудь событие или чей-нибудь поступок может привести к сильной сердечной боли, что видно во фразеологизме – **взять / брать за душу кого чем**. В УФС (1997) объясняют, что фразеологизм употребляется для описания сильного, глубокого ощущения, такого как боль, тоска, печаль, радость и т.п. Интересно, что два из четырех приведенных понятий относятся к упомянутой группе эмоций – тоска и печаль. Присутствие боли в определении фразеологизма доказывает связь боли и печали в русской концептуальной картине мира. Но, здесь важно подчеркнуть и присутствие радости. На самом деле, этот фразеологизм может также употребляться и для описания сильной радости, так что его можно отнести к более узким концептуальным метафорам ПЕЧАЛЬ – ЭТО СИЛА И РАДОСТЬ – ЭТО СИЛА.

Некоторые считают, что сердце пострадает после потрясающих событий. Федоров (2008) приводит фразеологизм **сердце заныло (ноет)** с пометой, указывающей на то, что речь идет о разговорном и экспрессивном стиле. Ушаков определяет значение глагола *ныть* как 'болеть, давать о себе знать ощущением непрекращающейся тягучей боли' (1935-1940). Но, кроме буквального значения глагола, появляется переносное значение, использованное в упомянутом фразеологизме. Ушаков приводит пример переносного значения в употреблении с существительным *сердце*, где обозначает 'чувствие тоски, неприятности' (1935-1940). Поэтому полное значение упомянутого фразеологизма – 'кто-либо испытывает гнетущую тоску, душевную боль' (Федоров, 2008). Очень похожий вариант фразеологизма, но фиксированный Федоровым как отдельный фразеологизм – **сердце изныло (изнывает)**. Речь снова идет о фразеологизме с разговорной и экспрессивной пометой. Но, значение чуть изменилось – фразеологизм обозначает человека, который страдает, мучится, томится от тоски или душевной боли (Федоров, 2008). На самом деле, можно сказать, что второй фразеологизм имеет немного более широкое значение, но все-таки в нём сохраняется концепт боли.

Хотя не связанное с концептом боли, словосочетание **сердце сжалось (сжимается)** также указывает на большое влияние печальных эмоций на организм человека. Фразеологизм, приведенный Федоровым (2008) обозначает тяжелое, горькое, грустное ощущение на душе. Хотя в переносном значении, как в этом фразеологизме, речь идет о тяжести чувств, а не о буквальном уменьшении сердца, образ все-таки сохраняется. Буквальное значение глагола, употребленного в качестве компонента, указывает на уменьшение в объеме, сдавление, стискивание. В таком виде печаль можно считать

уничтожающей силой, так же как ранее показано и для счастья. Это приводит нас к концептуальной метафоре ПЕЧАЛЬ – ЭТО УНИЧТОЖАЮЩАЯ СИЛА. По анализу Вежбицкой, словосочетания *сердце обливается кровью* и *сердце рвется*, также говорят о повреждении, которое сердце получило от эмоции печали и отчаяния. Первое словосочетание в УФС (1997) фиксируют как фразеологизм **сердце кровью облилось (обливается) у кого, от чего**. Значение этого фразеологизма, связано с испытанием душевной боли, жалости и сострадания. В ФСРЯ (1967: 421) приводят почти одинаковую форму фразеологизма, только с иной грамматической сочетаемостью – **сердце кровью обливается чье, у кого**. Устаревший вариант фразеологизма приводит Федоров (2008) – **сердце кровью залилось (заливается)**, но также приводит и разговорный вариант **сердце кровью обливается**. Самый полный анализ фразеологизма приводит Телия (2006: 630). Зафиксированный фразеологизм **сердце кровью обливалося (обливается) / облилось у кого, чье [от чего]** описывает сильное ощущение душевной боли, острой жалости, сострадания и сочувствия. Но, более важной частью её анализа является описывание его происхождения. Кабакова (в Телия 2006: 631) пишет, что метафора фразеологизма уподобляет кровь слезам, а чувство жалости, сострадания – «сердечному плачу». Учитывая такой анализ метафоричности и происхождения фразеологизма, его значение нельзя отнести к концептуальной метафоре ПЕЧАЛЬ – ЭТО УНИЧТОЖАЮЩАЯ СИЛА, а к концепту боли, т.е. к олицетворению метафоры ПЕЧАЛЬ – ЭТО СИЛА, ВЫЗЫВАЮЩАЯ БОЛЬ. Второе словосочетание Михельсон приводит в чуть измененном виде как фразеологизм **сердце рвется пополам** (1986-1912). Федоров фиксирует фразеологизм в том же виде, но отмечает, что речь идет об устаревшем, экспрессивном фразеологизме. Но, значение все-таки сохраняется. Речь идет о глубоком страдании, тяжелом переживании и испытании душевной муки. Похожим способом, когда речь идет о романтических муках, печальное состояние можно описать с помощью фразеологизма **разбитое сердце** (Мокиенко 2005: 633). Мокиенко описывает, что разбитое сердце часто является символом страдания от несчастной любви в русских романах (2005: 633). Хотя образ разбитого сердца часто появляется в нашем уме, подразумевается, что речь идет о части тела, которая на самом деле не разбита. Образ, указывающий на такое чувство изображает сердце, от печали разделенное как минимум на две части, на самом деле – уничтоженное.

Но, иногда такое уничтожение может привести к «гибели». Конечно, речь идет не о буквальной смерти, а об ощущении, что такая сильная печаль смертельно влияет на нас, т.е. на наше сердце. Вежбицкая считает, что словосочетания, содержащие слово *сердце*

указывают на русское направление сильных чувств, которые имеют полную власть и позволяют быть испытанными в полной мере (1999: 233). По сравнению с английскими выражениями, русские являются более драматичными и гиперболическими. Такой концепт очевиден во фразеологизме **сердце замирает**. Федоров (2008) фиксирует форму фразеологизма **сердце замерло (замирает)** со значением 'кто-либо испытывает глубокую тоску, печаль или сильный страх, плохое предчувствие в связи с чем-либо'. Такой пример приводит к еще более подробному описанию домена силы, другими словами, к концептуальной метафоре: ПЕЧАЛЬ – ЭТО СМЕРТЕЛЬНАЯ СИЛА.

Интересно, что хотя образ замирающего сердца на первый взгляд звучит отрицательно, на самом деле, печальные эмоции не её единственное значение. Федоров добавляет второе значение, связанное с чувствами блаженства, умиротворения и радости. В УФС (1997) фиксируют более полную форму фразеологизма – **сердце замерло (замирает) у кого, от чего**. Они приводят только одно значение фразеологизма с чуть иным рядом приведенных эмоций: 'кого-либо охватывает сильное волнение, тревога, страх'. Но, в приведенных примерах появляются чувства радости, страха и счастья. На самом деле, это обозначает, что данный фразеологизм также можно отнести к концептуальной метафоре СЧАСТЬЕ – ЭТО СМЕРТЕЛЬНАЯ СИЛА.

Важно упомянуть, что очевидно почти во всех фразеологизмах, приведенных в этой группе, употребление компонента *сердце* (в одном – *душа*). На самом деле, в них также проявляется концептуальная метафора СЕРДЦЕ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ, из-за чего они также могли бы быть отнесены к предыдущей группе – ЧАСТЬ ТЕЛА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ. Но, в отличие от единственного фразеологизма, упомянутого в этой части работы – **кошки скребут на душе**, здесь нет второго агенса, кроме эмоции. Учитывая факт, что в этих фразеологизмах якобы сила эмоции действует на сердце, особенно из-за того, что это происходит на разных уровнях, что, в свою очередь, демонстрирует разные силы эмоции, данные фразеологизмы отнесены к концептуальной метафоре ПЕЧАЛЬ – ЭТО СИЛА.

С другой стороны, появляется один фразеологизм, в котором речь идет не о сердце, а о голове – **биться (колотиться) головой об стенку** в значении 'предаваться крайнему отчаянию, бурно выражать свое горе' (Мокиенко 2005: 146). Значение фразеологизма указывает на то, что проявление эмоции – уничтожающая сила, которая заставляет человека биться головой об стенку. Именно из-за этого значения, мыслительный образ данного фразеологизма также можно отнести к концептуальной метафоре ПЕЧАЛЬ – УНИЧТОЖАЮЩАЯ СИЛА.

5.2.3. ПЕЧАЛЬ СООТВЕТСТВУЕТ НИЗУ

Снова возвращаемся к анализу Лакоффа и Джонсона (2004: 35-6) и одной из самых частых концептуальных метафор, связанных с эмоциями – оппозиции СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, ПЕЧАЛЬ – НИЗУ. Уже упомянуто, что не все попытки перевода данной метафоры были удачными. Только один из пяти примеров описания печали сохраняет концептуальную метафору: «Я упал духом (*My spirits sank*)». Заключение Лакоффа и Джонсона о происхождении концептуальной метафоры очень просто. Она имеет физическую основу – «склоненная поза человека обычно соотносится с печалью и депрессией» (36). Скребцова (2018: 48) соглашается с их предположением и добавляет больше подробностей о позе человека: «будучи в подавленном состоянии, он склоняет голову и опускает плечи, а чувствуя себя счастливым, распрямляет спину, отводит назад плечи, поднимает голову». Интересно, что в ее примерах осуществления концептуальной метафоры, появляется только один пример печали – *воспарить / пасть духом* (2018: 47), пример, также указывающий на очевидность оппозиции.

Пример из перевода Лакоффа и Джонсона, как и вариант Скребцовой, зафиксированы в словарях как фразеологизмы. Телия (2006: 511) фиксирует фразеологизм **упасть (пасть) / падать духом** со значением 'унывать, отчаиваться', в такой мере, что человек тратит всякую надежду и бодрость. Интересная часть анализа – культурологический комментарий. Происхождение фразеологизма Кабакова (в Телия 2006: 511-512) разделяет в две части, т.е. два компонента самого фразеологизма. Компонент *дух* объясняет через мифологическое представление о духе как о «жизнетворческом начале человека». Вторая часть, более важная для этой работы, пытается определить значение компонентов *падать / упасть, пасть*. Она говорит, что они связаны с «наиболее древним, восходящим к архетипическим формам видения мира противопоставлением 'верх – низ' и соотносятся с пространственным кодом культуры». Таким образом верх ассоциируется с небом, как уже описано в анализе эмоции радости, а низ обозначает утрату духа, христианское представление об утрате веры в Бога, которая вызывает уныние и отчаяние (Кабакова, в Телия 2006: 512). Здесь интересно упомянуть Зализняк (2013: 56), которая добавляет иной взгляд на такой феномен. Она говорит о вещных коннотациях абстрактных имен, более точно – определенных чувствах. В том числе, она приводит чувство горя, которое, как уже упомянули, принадлежит к той же категории чувств, как и печаль. Горе, по ее мнению, обладает рядом свойств, одним из которых

является метафора вверх/вниз. Но, она сосредотачивается на прилагательном *глубокое*, которое является частым компонентом словосочетаний описывающих такие эмоции. Ее объяснение такого образа следующее: «как будто человек погружается глубоко под воду или опускается в глубокую яму – т.е. остальной мир для него перестает существовать, как и он – для остального мира» (Зализняк, 2013: 56). Через более поэтическое определение, Зализняк описывает то же самое, что и Кабакова – человека, который полностью потерял надежду и теперь для него ничего больше не существует.

Кроме упадка духа, в УФС (1997) и Федоровом словаре (2008) указывают на синонимы фразеологизма, в которых движение вниз осуществляется разными частями тела. Они оба фиксируют разговорный фразеологизм **повесить / вешать голову (головушку)** в значении 'приходить в уныние, в отчаяние'. Чуть иное значение фразеологизма добавляет Михельсон (1986-1912), по которому значение только 'загрустить'. Мокиенко (2005: 147) фиксирует форму **свесить (повесить) / вешать голову** со значением 'быть грустным, печальным; отчаиваться', т.е. включает разную интенсивность эмоции. Он также добавляет комментарий, что речь идет о фразеологической параллели, известной во многих европейских языках. Иорданская и Паперно (1996) приводят четыре словосочетания, обозначающие печаль: **повесить голову, опустить / опускать голову, уронить / ронять голову на грудь, понурить голову, и поникнуть головой**. Хотя существует большое число словосочетаний, за которыми стоит образ повешенной головы, символизирующей печаль, не все они зафиксированы в проанализированных словарях как фразеологизмы. На самом деле, только первое словосочетание, **повесить голову**, зафиксировано во фразеологических словарях как фразеологизм. Но, это не значит, что остальные не являются фразеологизмами. Если в нашем анализе берем экспрессивно-эмоциональную окраску, образность и метафоричность как определяющие элементы фразеологизмов, с важнейшим – фактом, что сумма значений компонентов не указывает на значение словосочетания, то тогда можно сказать, что все данные словосочетания являются фразеологизмами. Все здесь приведенные фразеологизмы в основной форме в качестве главного компонента содержат лексему *голова*, но некоторые зафиксированные варианты содержат и другие компоненты. Кроме головы, первоупомянутый фразеологизм может как компонент содержать и часть головы – нос. Федоров (2008) фиксирует фразеологизм со значением 'огорчаться, приходить в уныние' в форме **повесить / вешать нос <на квинту>** с пометой, указывающей на то, что речь идет о фразеологизме, употребляющемся с иронией. В УФС (1997) не фиксируют факультативный компонент и также меняют помету – по их мнению речь идет о

разговорном стиле, но не видят иронии в употреблении. Они также чуть меняют значение, добавляя *расстраивание* в описание 'приходить в уныние, сильно огорчаться, расстраиваться'. Интересно, что Федоров и Быстрова (УФС) фиксируют два отдельных, но синонимичных фразеологизма с тем же глагольным компонентом, но различными существительными. Телия, с другой стороны, фиксирует только фразеологизм **повесить / вешать (опустить / опускать) нос кто** (2006: 113). Гудков (в Телия 2006: 114) в своем культурологическом комментарии говорит, что базой фразеологизма является «символика жестов и пространственный код культуры», в этом случае речь идет об оппозиции верх – низ. В этом фразеологизме даже появляется метонимичность, из-за того, что нос обозначает целую голову, а опущенная голова – знак печали (Гудков в Телия 2006: 114). Здесь интересно упомянуть еще один фразеологизм, который на первый взгляд кажется вариантом уже упомянутых – **опустить / опускать руки**. Хотя в УФС (1997) приводят прежде упомянутые фразеологизмы в свойстве синонимов, значение фразеологизма, на самом деле, не одинаково. В значении сохраняется концепт горя и печали, но только как причина, по которой человек теряет способность или желание действовать, делать что-либо. Этот фразеологизм также имеет вариант **опустить / опускать крылья (крылышки)**. По Мокиенку и Никитиной (2007) вариант употребляется для обозначения человека, который 'приходит в уныние'. Мыслительный образ, при помощи которого изображены опущенные руки или крылья, также указывают на присутствие оппозиции верх – низ, когда речь идет о радости и печали. Здесь также виден и элемент метафоры, основанной на отождествлении человека с животным.

Следующая часть тела, та, которая является самым частым компонентом фразеологизмов, относящихся к эмоциям – сердце. Вежбицкая считает, что сердце проявляется «как место эмоциональных переживаний, а не как орган эмоционального выражения» (1999: 233). Хотя сердце явно не видно, образы его движения вниз в печальном состоянии человека все-таки сохранены в языке таким же способом. Так же как и голова и нос, и сердце может упасть, что видно во фразеологизме **сердце упало (падает)**. Но, здесь важно упомянуть, что не все словари фиксируют одно и то же значение этого фразеологизма. Если начнем с толкованием Федорова (2008), фразеологизм **сердце упало (падает) у кого** относится к человеку, который 'чувствует уныние, тоску, тревогу'. Хотя последнее чувство принадлежит не к этой группе, а скорее к чувствам, связанным с концептом страха и испуга, остальные относятся к состоянию печали человека. Другими словами, толкование Федорова подтверждает присутствие концептуальной метафоры в этом фразеологизме. С другой стороны, Телия в ряд чувств,

обозначенных во фразеологизме, включает испуг, тревогу и отчаяние (2006: 631). Согласно этому словарю, фразеологизм **сердце упало (оборвалось) / падает у кого, чье** больше относится к чувству страха, чем к чувству печали. Культурологический комментарий Кабаковой (в Телия 2006: 631-2) объясняет происхождение фразеологизма через мифологическое представление о возможности сердца перемешаться в теле. Такое перемещение означает нарушение нормального положения вещей в жизни человека, что на самом деле угрожает его жизнь. Но, она не связывает это с чувствами отчаяния и уныния, а с чувством крайнего страха. На самом деле, здесь задается вопрос, в какой мере этот фразеологизм принадлежит эмоции печали, а в какой эмоции страха. Ответ неоднозначен, потому что авторы словарей в этой области не соглашаются. Однако, если они упоминают оба значения этого фразеологизма в своих словарях, можно сказать, что он принадлежит к обеим группам. Такой уже был случай с фразеологизмами **огонь в глазах кого, чьи** и **глаза горят (загораются) кого, чьи**, которые обозначают и радостного и сердитого человека, так что их можно анализировать как фразеологизмы, принадлежащие обеим группам.

5.2.4. ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕДА

Как уже упомянуто в анализе концептуальных метафор, связанных с радостью, в числе исходного домена иногда появляется концепт еды. Но, в теоретических источниках эмоции не появляются как целевые домены таких метафор. Все-таки, Зализняк дает интересный анализ. Некоторые эмоции связываем со вкусом. Например, эмоция радости связывается со сладостью малины. С другой стороны, эмоция горя связывается с идеей горького, а такая связь также подкрепляется фонетически: *горе – горький* (Зализняк 2013: 56). В числе доказательства присутствия такой связи, Зализняк приводит словосочетания *хлебнуть горя* и *испить горя*. Мелерович и Мокиенко (2005: 172-3) фиксируют фразеологизм **хлебнуть горя** как разговорный фразеологизм для описания переживания страдания. Можно сказать, что они доказывают присутствие связи *горе-горький* включая структурное преобразование фразеологизма **хлебнуть горького от кого**, на самом деле даже указывая на возможность замены компонентов. Вторая интересная трансформация, включенная в их словарь – **хлебнуть полной мерой из чаши военных испытаний**. На самом деле речь идет об авторском фразеологизме А. Горловского, который сочетал упомянутый фразеологизм со словосочетанием *испить горькую чашу в полной мере*

(Мелерович, Мокиенко 2005: 173). Зализняк происхождение словосочетания *испить горя* видит в библейском *испить чашу страданий* и *испить горькую чашу* (2013: 56). Федоров (2008) такие обороты обозначает как устаревшие фразеологизмы. Он фиксирует обороты **испить полную <до краев> чашу** и **испить горькую чашу**, но, по его толкованию, в обоих случаях, речь идет об устаревших, книжных фразеологизмах. В анализируемых словарях, фразеологизмы с компонентом *испить* не являются современными фразеологизмами. Но, с другой стороны, те с компонентом *хлебнуть* появляются. Федоров (2008) фиксирует основной вариант **хлебнуть горя**, и те которые обозначают большую интенсивность – **хлебнуть <горя> по ноздри** и **хлебнуть горького (горячего) до слез**. На самом деле, присутствие представления эмоции печали как еды, которую можно *хлебнуть* или *испить* указывает на существование концептуальной метафоры ПЕЧАЛЬ – ЭТО ЕДА в русской фразеологической картине мира.

5.3. Гнев

Третья эмоция, проанализированная в этой работе – гнев. По словам Вежбицкой (1999: 49), гнев принадлежит группе эмоций, переживаемых человеком, когда происходит то, чего он не хотел. Важно подчеркнуть, что это относится не только к событиям, объективно являющимся плохими, но и к событиям, которые мы субъективно считаем плохими. Другими словами, это события, которые плохие для нас в данный момент, потому что мы не хотели, чтобы они случились. ЭСПП (2013) соглашается, описывая гнев как «чувство негодования, возникающее у субъекта в конфликте в результате действий оппонента, явно ущемляющих его интересы, или явной неправоты его позиции». Кроме гнева (*anger*), остальные самые важные эмоции для этой группы: злость, ярость (*fury*), возмущение и негодование (*indignation*), бешенство (*rage*) (Вежбицкая 1999: 87-97). Вежбицкая также уточняет, что к этой группе можно произвольно отнести потрясенного человека и человека в шоке, но такие эмоции все дальше отходят от первоначального гнева и даже приближаются к категориям печали и страха (1999: 96). Самый гнев Ефремова (2000) определяет как «чувство сильного негодования или возмущения, состояние крайнего раздражения или недовольства кем-либо или чем-либо» и отмечает, что обычно бурно проявляется. Безрукова (2000) говорит, что гнев одна из самых быстрых страстей, при которой проявляется большое число физиологических реакций. К самым частым проявлениям гнева, ЭСПП (2013) относит сжимание зубов и губ, расширение или сжимание крылья носа, затрудненное

дыхание. Безрукова определяет гнев как одну из основных человеческих эмоций, которая выражается как «вспыльчивость, ярость, крик, бранные слова, злопамятство, ненависть, вражда, клевета, сильная обида на того, к кому он обращен» (2000). Из-за интенсивности и ряда последствий такой эмоции можно предположить, что она будет широко представлена в эмоциональной языковой картине на фразеологическом уровне.

5.3.1. ЧАСТЬ ТЕЛА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ

Не удивительно то, что концептуальная метафора вместилища для эмоций, использованная для описания эмоций радости и печали, также используется и для описания эмоции гнева. В первую очередь, вместилищем являются глаза. Глаза у человека испытывающего гнев являются сердитыми или гневными, но их можно также описать как огненные (Иорданская и Паперно, 1996). Дмитриев (2003) объясняет происхождение выражения, говоря, что глаза человека приобретают особый блеск, когда он испытывает страстное желание, сильную злобу, ненависть к кому-либо и подобное. Гнев, эмоция, раньше описанная как одна из самых интенсивных, не зря рассматривается как огонь в глазах. Вежбицкая (1999: 228) приводит ряд словосочетаний, в которых воплощена концептуальная метафора ГЛАЗА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ. Выражения можно разделить на две группы – те словосочетания, которые связаны с огнем и горением: *огонь в глазах, глаза горят, глаза загораются*, и те, связанные с атмосферным электричеством: *глаза сверкают (от гнева), молнии сверкают в глазах, глаза метают громы и молнии* (1999: 228).

В работе уже упомянутые словосочетания Иорданской и Паперно (1996), которые по нашему анализу являются фразеологизмами – **глаза горят (загораются) кого, чьи**, и **огонь в глазах кого, чьих**. На самом деле, данные фразеологизмы упомянуты, потому что их значение относится к радостному человеку, но, оно также относится и к сердитому человеку, так что их надо здесь также подчеркнуть.

Башкирова и Давлетбаева (2019) анализируют, между остальными, фразеологизмы, отражающие эмоциональные состояния гнева. Согласно их анализу, общим свойством таких фразеологизмов в обоих языках является употребление названий частей тела человека, включая глаза. Они упоминают два фразеологизма – **глаза метают молнии** и **глаза сверкают от ярости (злости)** и их английский эквивалент «*eyes snap with fury*» (2019: 139). Хотя первый приведенный фразеологизм, вариант которого также приводит Вежбицкая, подтверждает присутствие концептуальной метафоры ГЛАЗА – ЭТО

ВМЕСТИЛИЩЕ для ЭМОЦИЙ во фразеологизмах, обозначающих эмоцию гнева, он не появляется в числе зафиксированных фразеологизмов в проанализированных словарях. Второй фразеологизм, с другой стороны, фиксируется в форме **сверкнуть / сверкать глазами на кого**. Федоров (2008) уточняет значение этого разговорного фразеологизма как 'выражать взглядом чувство гнева, возмущения'. Мокиенко и Никитина (2007) определяют чуть иное значение фразеологизма **сверкать глазами**, по их толкованию характерного для волгоградской области, как 'сердиться, испытывать злобу'. Такой анализ фразеологизма показывает активный образ блеска в глазах человека, испытывающего гнев. Но, важно упомянуть, что большинство здесь упомянутых словосочетаний не фиксируются как фразеологизмы, кроме последнего. Другими словами, в анализируемых словарях не проявляется значительное число фразеологизмов, обозначающих гнев (и также радость), в отличие от тех, обозначающих печаль, с воплощенной концептуальной метафорой ГЛАЗА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ для ЭМОЦИЙ.

Кроме в глазах, гнев может воплощаться как эмоция, сохраненная в сердце. В том числе можно говорить о концептуальной метафоре СЕРДЦЕ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ для ЭМОЦИЙ, которая проявляется во фразеологизмах, относящихся к эмоции гнева. Яранцев и Горбачева (2009: 40) например, сердце упоминают как факультативный компонент фразеологизма **до глубины души (сердца)**, относящегося к эмоции гнева. Хотя концепт сердца и его связь с эмоциями не относится только к эмоции гнева, Чернышова (2020) видит особую связь между именно этой эмоцией и сердцем. Она анализирует языковую репрезентацию базовой эмоции гнева в русском и белорусском языках и объясняет этимологическое происхождение лексем связанных с гневом (2020: 192-3). В том числе, одной из самых важных лексем для эмоции является русское прилагательное *сердитый*, которое употребляется для обозначения человека, испытывающего эмоцию гнева. Лексемы *сердитый* и уже упомянутое *сердце* родственны и восходят к общеславянскому корню *серд* и чуть дальше к индоевропейскому «*керд*» (Семенов, 2003). Семенов дальше говорит, что у древних славян сердце не было только центром любви и дружбы, но также вместилищем гнева и ярости (2003). Интересно, что Чернышова идет шаг дальше в своем анализе и уточняет, что «представление о корреляции сердца и гнева стали неактуальными» (2020: 193). Такой тезис подтверждает фактом, что фразеологизмы **держат сердце на кого** и **приходить в сердце** теперь являются устаревшими (2020: 193). Но, в словарях, анализируемых в этой работе, эти фразеологизмы появляются только в словаре Федорова, а он устаревшим отмечает только второй из двух фразеологизмов. Фразеологизм **держат сердце на кого** употребляется в значении 'сердиться, затаить

обида' (Федоров, 2008). Концепт сердца появляется и в одном устаревшем фразеологизме – **прийти / приходиться в сердце**. Этот фразеологизм раньше употреблялся для обозначения чувства раздражения и гнева (Федоров, 2008). В таком случае гнев человека является скрытым, но все-таки существующим. Но, он также приводит еще один фразеологизм, который отмечает устаревшим. Речь идет о фразеологизме **сердце взяло (берет) на кого**, употребляющемся для человека, который злится, сердится и гневается на кого-либо (Федоров, 2008). Гнев, который человек хочет выплеснуть, видим во фразеологизме **срывать сердце на ком, чем**. Разговорный фразеологизм обозначает вымешивание человеком гнева, раздражения, ярости и т. п. (Федоров, 2008). Мокиенко отмечает тот же фразеологизм, только с добавлением видовой пары глагола – **сорвать / срывать сердце на ком**, в значении 'изливать злобу' (Мокиенко 2005: 633). Мокиенко фиксирует и фразеологизм **иметь сердце на кого**, без пометы, указывающей на то, что фразеологизм является устаревшим, но с пометой просторечия (2005: 633). Хотя не отмечая их синонимичными, в ФСРЯ (1967: 420-1) приводят два фразеологизма с почти одинаковым значением: **в сердцах**, 'в порыве гнева, раздражения (делать что-л.)', и **с сердцем**, 'в гневе, сердито (сказать или сделать что-либо)'. Мокиенко также фиксирует фразеологизм **с сердцем**, с идентичным значением (2005: 633). Но, для всех здесь им приведенных фразеологизмов, он напоминает что слово *сердце* имеет старое значение 'гнев, злоба', которое, по заключению Мокиенко, известно сейчас только в диалектах. На самом деле, это приводит к вопросу, появляется ли образ сердца как вместилища эмоций, если слово *сердце* здесь не обозначает часть тела, а самую эмоцию гнева, учитывая факт, что многие говорящие, в том числе и носители языка, не знают устаревшего его значения. На часть вопроса мы ответим, отвечая на второй, с ним связанный вопрос: употребляют ли русские сегодня такие фразеологизмы?

Тезис Чернышовой о неактуальности связи сердца и гнева можно проверить с помощью интернет-корпуса русского языка *ruTenTen*, составленного в 2011 году. Проверка частоты употребления фразеологизма **держаться сердце на кого** в корпусе указала на факт, что фразеологизм на самом деле вообще не является актуальным – не получилось примеров его употребления. То же самое случилось и с поиском фразеологизма **сердце взяло (берет)**. Интересно, что проверка фразеологизма **прийти / приходиться в сердце** также указывает на присутствие фразеологизма в современных интернет-текстах с 251 результатом. Но, ни в одном из результатов фразеологизм не употребляется в данном значении, а наоборот, самое частое употребление фразеологизма для обозначения позволения Богу или религиозному счастью (любви и доброте) в сердца людей. Похожий

результат показывает поиск фразеологизма **иметь сердце на кого**, где среди 2453 результатов словосочетание *иметь сердце* ни однажды не относится к этому фразеологизму, т.е. не появляется с таким фразеологическим значением. Фразеологизм **сорвать / срывать сердце на ком, чем** продемонстрировал другую ситуацию. От 72 результата, их 11 указывает на значение сердитости, но они относятся к произведениям, написанным не позже 1985 года, что на самом деле значит, что речь действительно идет об устаревшем фразеологизме. На самом деле, результаты поиска указывают на факт, что данные фразеологизмы, в которых компонент *сердце* относится к сердитости теперь больше не употребляются либо вообще, либо в том значении.

По мнению Чернышовой, связь гнева и сердца стала пассивной, потому что сердце теперь соотносится с добротой и любовью, а гнев – с головой (2020: 192-3). Она это подтверждает, упоминая словосочетание *гнев ударил голову* (2020: 192), которая (еще) не стала фразеологизмом. Но, Мокиенко и Никитина (2007) фразеологизмом отметили похожее словосочетание – **кровь бросилась (кинулась, ударила) в голову кому**, которое в разговорном стиле обозначает человека, пришедшего в исступление, сильное возбуждение. Тот же фразеологизм, только в варианте **кровь бросилась (кинулась) в голову** приводят Яранцев и Горбачева (2009: 41), в списке фразеологизмов, отмечающих эмоции негодования, возмущения, и гнева. Но, в их сборнике нет определений и помет. На самом деле, это единственный фразеологизм, связывающий концепт гнева с головой в анализируемых словарях. Хотя в проанализированных словарях нет большого количества зафиксированных фразеологизмов, указывающих на появление новой концептуальной метафоры ГОЛОВА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ, эти варианты фразеологизма указывают на присутствие более узкого определения домена: ГОЛОВА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ГНЕВА.

5.3.2. ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА

Вторая широко распространенная метафора, относящаяся к эмоциям – восприятие эмоции как какой-то силы. В первую очередь, это сила тепла. Ковечеш (2010: 21) считает, что одними из самых важных исходных доменов являются тепло и холод, «базовые человеческие опыты». Происхождение связи теплоты и гнева в физических процессах, которые испытывает наше тело, переживая эмоцию гнева. Поэтому Ковечеш определяет основную концептуальную метафору: ГНЕВ – ЭТО ТЕПЛО (2010: 81). Но, в зависимости от природы происхождения тепла, концептуальную метафору можно разделить на две

отдельные метафоры: ГНЕВ – ЭТО ГОРЯЧАЯ ЖИДКОСТЬ и ГНЕВ – ЭТО ОГОНЬ (2010: 81). В отличие от Ковечеша, который связь гнева и теплоты видит в повышении температуры сердитого человека, В. и Ю. Апресян (1993: 32) предлагают другое объяснение. Они отмечают, что большая часть эмоций, в том числе страсть, ярость и гнев, ассоциируется с болезнью или жаром (1993: 32). Для них происхождение жара, т.е. повышение температуры тела, происходит из-за болезни, что значит, что гнев видят как вид болезни. Но, несмотря на объяснение причины повышения температуры, очевидно, что такое явление на самом деле присуще такому эмоциональному состоянию, и что уровень тепла зависит от интенсивности эмоции. Поэтому можно сказать, что ГНЕВ – ЭТО СИЛА ТЕПЛА. В. и Ю. Апресян приводят примеры концептуальной метафоры: *от гнева <ярости> закипают <кипят>, от гнева <ярости> горят глаза, ярость клокочет в ком-то* (1993: 32). Но, приведенные словосочетания не являются фиксированными фразеологизмами в проанализированных словарях, по крайней мере не в таком виде.

Возвращаясь на раньше упомянутый концепт сердца, здесь важно упомянуть словосочетание: **сердце закипело (кипит)**. Федоров (2008) фиксирует этот разговорный фразеологизм и определяет его значение как 'кто-либо испытывает страстное желание; кого-либо переполняет гнев, возмущение, обида, раздражение и т. п.'. На самом деле этот фразеологизм у определенных говорящих может ассоциироваться с разными образами. Это либо образ сердца, переполненного гневом, из-за чего оно как будто изгорает, либо только образ огня, без связи с концептом сердца, для тех, кто знает происхождение слова *сердце* в этом фразеологизме. Со сердцем связан концепт крови, упомянутый во фразеологизме **наливаться / наливать кровью**, когда говорим о внешнем взгляде сердитого человека. Такой человек краснеет от прилива крови вызванным гневом (Ожегов 1949-1992). Прилив крови доводит не только до красного цвета, а также и до повышения температуры, именно из-за чего и появляется изменение цвета лица.

С концептом повышения температуры также связан следующий фразеологизм фиксирован Яранцевым и Горбачевой (2009: 41) – **довести / доводить до белого каления**. В УФС (1997) фиксируют тот же фразеологизм с пометой, указывающей на то, что речь идет о разговорном стиле. Фразеологизм обозначает приведение в состояние крайнего раздражения, полной потери самообладания. Происхождение фразеологизма связано с обработкой металла. Металл нагревается до такой степени, что сначала является красным (красное каление), а при очень высокой температуре становится белым (УФС, 1997). Мокиенко и Никитина в анализ фразеологизма добавляют помету неодобрительности, как и дополнительное значение 'злить, сердить кого-л.' (2007).

Элементы жара и повышения температуры, связанные с эмоцией гнева, содержит также фразеологизм **под горячую руку**. Самый фразеологизм описывает способ совершения действия – 'в состоянии возбуждения, раздражения, гнева' (Телия 2006: 531). Красных (в Телия 2006: 531) добавляет культурологический комментарий происхождения фразеологизма. Она говорит, что речь идет об антропоморфной метафоре, основанной на символическом восприятии руки, которая, с другой стороны, метонимически представляет человека. Данный фразеологизм связан с «основным» фразеологизмом **под руку**, который может иметь различные атрибуты, включая, конечно, *горячий*, но также и *пьяный*, *веселый*, и т.п. Такой основной фразеологизм означает, что речь идет о «крайне несдержанном, эмоциональном, не контролируемом разумом поведении» (Красных, в Телия 2006: 531). Хотя Красных не уточняет, почему именно атрибут *горячий* появляется в описании сердитого поведения, по нашему анализу предыдущих фразеологизмов и связи жара и гнева, можно сказать, что речь идет именно о концептуальной метафоре ГНЕВ – ЭТО СИЛА ТЕПЛА.

Второй распространенный вид силы – сила природы. Хотя концептуальная метафора ГНЕВ – ЭТО СИЛА ПРИРОДЫ существует во многих языках, включая английский, венгерский, китайский, японский, польский и зулусский (Ковечеш 2010: 212), в определенных языках она является более богатой, чем в остальных. Пример такого языка – русский. Кроме метафоры силы природы вообще, в русском языке появляется более конкретная метафора: ГНЕВ – ЭТО БУРЯ. Существует ряд фразеологизмов, в которых воплощена эта метафора. В первую очередь важно упомянуть – **буря в стакане воды**, фразеологизм, который обозначает 'большое волнение, острые споры, конфликт по ничтожному поводу, из-за чего-л. незначительного' (Мелерович, Мокиенко 2005: 83). Такое выражение взято из французского языка, т.е. это фразеологизированное крылатое слово политического деятеля и философа Монтескье. Они дальше уточняют, что фразеологизм стал интернациональным, в том числе популярным даже и в русском языке, из-за яркости самого образа. Второе важное воплощение метафоры – **метать громы и молнии**. Мелерович и Мокиенко (2005: 181) фиксируют фразеологизм **метать громы и молнии** <против кого, чего> в значении 'выражать негодование, гнев; обрушиваться на кого-л. с упреками, обвинениями, угрозами'. Кроме такой основной формы фразеологизма, они даже приводят синтаксические преобразования: **метать громы и молнии против кого за что**, **мечущий громы и молнии на что**, и **громы и молнии метать**. Из структурных преобразований включают следующие трансформации: **метать справедливые громы и молнии в адрес чей**, **обрушить громы и молнии на халатные головы кого**, **метать**

громы-молнии по поводу кого, не призывать громы и молнии на головы чьи. Третий вид трансформаций – те, в которых ключевой компонент вычленен, относится к следующему ряду фразеологизмов: **какие громы и молнии пойдут у кого, претерпеть громы и молнии чьи, гром и молнии.** Последний вид трансформаций, окказиональные фразеологизмы, включает только один фразеологизм – **отводить громы-молнии** (Мелерович, Мокиенко 2005: 181-3). Телия (2006: 381) фиксирует полную форму фразеологизмов с вариантами: **метать громы <и молнии> (молнии, громы-молнии),** с той же грамматической сочетаемостью **кто <на кого>.** Значение вариантов фразеологизма не изменилось, они относятся к руганию, распеканию, отсутствию желания сдерживать чувства раздражения, негодования и гнева. Яранцев и Горбачева (2009: 40) в списке фразеологизмов, обозначающих гнев, упоминают **метать громы и молнии,** но также и вариант – **рвать и метать.** Такой вариант фиксирован и Федоровым (2008) как разговорный фразеологизм, обозначающий буйство состояния негодования и раздражения. Но, интересно то, что Федоров в значение основного фразеологизма, **метать громы и молнии,** добавляет компонент значения: 'распекать, отчитывать кого-либо (чаще без достаточных причин, оснований); говорить гневно, раздражённо, чрезмерно упрекая кого-либо или угрожая кому-либо' (2008). Остальные авторы не упоминают, что часто контекст использования – отсутствие реальной причины для гнева. Федоров также упоминает фразеологизм **метать молнии** и его полный синоним – **метать искры** в значении 'зло, сердито смотреть' (2008). Третий фразеологизм характерен для книжного стиля – **метать перуны против кого** со значением 'сердиться, гневаться на кого-либо' (Федоров, 2008). Перун, на самом деле, славянский бог грома и молнии. Как дальше объясняют Мелерович и Мокиенко (2005: 183), все эти выражения связаны с языческой мифологией, по которой самый могучий бог – бог грома и молнии Громовик, т. е. у славян – Перун, у греков это был Зевс, а у римлян Юпитер. Происхождение фразеологизма связано с тем, что согласно мифу, «бог громовержец восседал на облаках и в гневе метал оттуда громы и молнии» (Мелерович, Мокиенко 2005: 183). Захаренко (в Телия 2006: 382) упоминает такой миф, но иначе толкует возникновение фразеологизмов. Она напоминает, что у русских связь с громом и грозой с Перуна перешла на Илью Пророка, христианского заместителя, который ездит по небу на колеснице, запряженной огненными конями. Согласно её толкованию, фразеологизмы такого типа связаны с Библией, «где небесные раскаты грома понимаются как голос Бога». В таком голосе выражается либо непосредственное присутствие Бога, либо его суд. Захаренко (в Телия 2006: 382) также добавляет, что мощность концептов грома и

молнии в том, что относятся к «природно-стихийному коду культуры», из-за чего являются и символическими средствами угрожающей силы.

В работе уже упомянуто, что Ковечеш (2010: 108) определяет три самых типичных вида силы, которые являются в концептуальных метафорах, относящихся к эмоциям. Третья из них создает концептуальную метафору: ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА, ДИСЛОЦИРУЮЩАЯ САМОГО СЕБЯ⁸. Использование такой метафоры создает образ силы, которая как будто выводит из тела из-за своей интенсивности. Пример можно взять из списка фразеологизмов о гневе Яранцева и Горбачевой (2009: 41): **вне себя, выйти / выходить из себя, вывести / выводить из себя, потерять себя**. Здесь важно упомянуть, что они предупреждают, что кроме для описания гнева, последний фразеологизм также можно использовать для интенсивных страха и ужаса. Телия приводит почти одинаковый ряд фразеологизмов, только с информацией об их грамматической сочетаемости: **вне себя кто [быть], выйти / выходить из себя кто, вывести / выводить из себя кто, что кого** (Телия 2006: 118-21). Начнем с фразеологизма **вне себя кто [быть]**, который обозначает чувство человека сильного эмоционального возбуждения, из-за чего он теряет самообладание (Телия 2006:121). В виде состояний, которые могут довести до этого, Телия (2006: 121) включает: «раздражение, нервное напряжение, возмущение, негодование, волнение, радость, счастье и т. п.». Видно, что среди состояний находятся два, принадлежащие категории гнева – возмущение и негодование, но с ними находятся и другие отрицательные и положительные ощущения. В том числе, нужно подчеркнуть, что здесь находится уже проанализированная эмоция радости, что значит, что в этом единственном случае можно говорить о концептуальной метафоре РАДОСТЬ – ЭТО СИЛА, ДИСЛОЦИРУЮЩАЯ САМОГО СЕБЯ. Но, во фразеологизме **выйти / выходить из себя кто** это меняется. Причина лишения самообладания в поведении другого лица или в произошедшем событии, сопровождается чувствами возбуждения, раздражения, возмущения и негодования (Телия 2006: 118). В этом фразеологизме значение сужается и ограничивается. Еще более ограниченное значение во фразеологизме **вывести / выводить из себя кто, что кого**, где в качестве причины такого состояния приведены: крайнее возбуждение, раздражение, досада, негодование и гнев. Красных (в Телия 2006: 118-9) объясняет происхождение образа фразеологизмов через древнее представление о том, что дух (или душа) и тело часто противопоставляются друг другу. В теле «заключено духовное, чувственное, ментальное», его «Я», а кожа является границей

⁸ Англ. EMOTION IS A FORCE DISLOCATING ITSELF.

между внутренним миром человека и внешним миром, который его окружает (Красных в Телия 2006: 119). В том числе, метафора с образом прорыва телесной границы, по словам Красных, оценивается негативно в духовном коде культуры. Другими словами, выход из тела, дислоцирование самого себя из-за силы эмоции указывает на негативные эмоции, в том числе очень часто (но не исключительно) на гнев.

Чернышова (2020: 196) приводит интересный тезис. Она считает, что состояние гнева предполагает выход из себя, из собственного тела, что является очевидным в упомянутых фразеологизмах. Это также подтверждает присутствие концептуальной метафоры ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА, ДИСЛОЦИРУЮЩАЯ САМОГО СЕБЯ в русском языке. Но, она добавляет, что иногда такой выход из тела включает и вход в другое пространство – «приходить в бешенство, приходиться в ярость, лезть в бутылку (пузырь)» (2020: 196). Мокиенко и Никитина (2007) фиксируют второе словосочетание как разговорный фразеологизм **приходить в ярость** в значении 'свирепеть', т.е. становиться более сердитым. Но, они утверждают, что фразеологизм не является исконно русским, а калькой французского словосочетания *entrer en colère*. Все-таки, в данном фразеологизме можно представить себе переход в состояние гнева и ярости. Второй фразеологизм нельзя толковать настолько буквально. **Полезть / лезть в бутылку** является просторечным фразеологизмом, который не обозначает только становление раздраженным и сердитым, а даже включает отсутствие серьезных оснований для такого ощущения. Существует и второе значение, употребляющееся в жаргоне – 'спиваться' (Мокиенко, Никитина, 2007). Вариантом фразеологизма является фразеологизм **лезть в пузырь**, но Мокиенко и Никитина не отмечают два фразеологизма синонимами. Вариант с компонентом *пузырь* имеет два значения, одно совпадает со значением прежде упомянутого фразеологизма, 'становиться раздраженным из-за несуществующих причин', но второе значение только 'сердиться', без указания на причину гнева. Федоров (2008) также не отмечает фразеологизмы синонимами, но, значение, приведенное им, отличается не в этом аспекте. **Полезть / лезть в бутылку** в его словаре имеет одинаковое значение как у Мокиенка и Никитины, но **лезть в пузырь**, обозначает 'грубо, безрассудно, без всяких оснований сердиться на что-либо' (Федоров, 2008). Отличие не только в добавлении пометы, указывающей на то, что речь идет о грубом поведении, а также в том, что снова является отсутствие причины. В ФСРЯ (1967: 223), с другой стороны, фиксируют фразеологизм **полезть / лезть в бутылку (пузырь)**, сохраняя объяснение, что речь идет о раздражении без оснований для этого. Мокиенко (2005: 73) в своем анализе фразеологизма **лезть в бутылку** говорит о сложности его толкования.

Сложность состоит в том, что составители словарей не соглашаются о его значении. Часть проблемы в том, что слово *бутылка* жаргон для лжи, но также и для вранья, Бутылки, Бутырской тюрьмы, каталажки и брюк (Мокиенко 2005:73). Слово *пузырь* также жаргонного происхождения, оно относилось к заключенным (царской) московской тюрьмы. Из-за времени фиксирования фразеологизма в словарях, Мокиенко (2005: 74) заключает, что первоначальным фразеологизмом был **полезть / лезть в пузырек**. Эту форму вытеснили две новые формы: **полезть / лезть в бутылку** и **полезть / лезть в пузырь**, потому что семантика и употребление компонентов изменились. Поэтому перемену слова *пузырь* на слово *бутылка* можно объяснить так, что *пузырь* употребляется в значении 'бутылка с алкоголем'. Другой вариант происхождения слова *бутылка* лежит в уже упомянутом топониме *Бутылка* или *Бутырка*, названии тюрьмы (Мокиенко 2005:74). На самом деле, спор о том, представляет ли субстантивная часть реальное или абстрактное место, все еще остается не решенным. Но, выразительность концептуального представления выхода из себя в состоянии гнева тем не ослабляется.

6. Заключение

В этой дипломной работе приведены и проанализированы фразеологизмы, которые можно употребить в русском языке для описания эмоций радости, печали и гнева. Более точно, речь идет об анализе 120 фразеологизмов, учитывающем содержащиеся в них концептуальные метафоры. Все проанализированные фразеологизмы, относящиеся к эмоциям радости (40), печали (41) и гнева (39), распределенные по концептуальным метафорам, представлены в приложении.

Анализируя фразеологические словари и самые фразеологизмы, выяснилось, что толкование фразеологизмов и определение их концептуальной основы далеко не всегда бывает таким простым.

Во-первых, возвращаясь к первой гипотезе о проявлении сходства домен в русском языке и домен, проанализированных в теоретической литературе, можно сказать, что в половине случаев они совпадают, но интенсивность и этимология происхождения все-таки отличаются. В этой работе появляются четыре больших концептуальных метафор: ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА (55), ЧАСТЬ ТЕЛА – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ (35), СЧАСТЬЕ СООТВЕТСТВУЕТ ВЕРХУ, ПЕЧАЛЬ – НИЗУ (19), и ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕДА (11). В использованных источниках, относящихся к концептуальной метафоре, упоминаются только две концептуальные метафоры в одинаковой форме – первая и вторая. Разница в третьей относится к определению домены *часть тела*, так как в англоязычной литературе это только *глаза* (Лакофф и Джонсон 2004: 84). Это, конечно, видно и в том, что потребовалось более узко определить домен в самой концептуальной метафоре. Анализ фразеологизмов в русском языке указал на то, что вместилищем могут являться глаза (в самой большой степени в связи с эмоциями радости и печали), сердце (в самой большой степени связано с эмоцией гнева), лицо и голова. Здесь особенно интересным является концепт сердца как вместилища для гнева из-за этимологической связи слов *сердце* и *сердитый*. На самом деле, это связь, свойственная для славянских языков, которая, конечно, не упоминается в англоязычной литературе. В англоязычной литературе также не упоминается последняя из приведенных концептуальных метафор – ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕДА. Хотя примеров употребления такой метафоры в проанализированных фразеологизмах не много, и они относятся только к эмоциям радости и гнева, она все-таки указывает на концептуальное богатство и специфичность русского языка. Такое богатство даже можно увидеть и в сравнении анализированных концептуальных метафор, с теми, упомянутыми в англоязычных источниках. Например, сила проявления эмоций

настолько отличается, что большая степень её интенсивности в русском мыслительном образе даже может довести до гибели. Поэтому вид силы нужно было более узко определить в именовании самой концептуальной метафоры.

Второе предположение дипломной работы подтвердилось. На самом деле, только две концептуальные метафоры не проявлены во всех трех эмоциях. Речь идет об уже упомянутой единственной метафоре ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕДА, которая проявляется только во фразеологизмах, относящихся к эмоциям радости и печали. Вторая является логичной – это оппозиция радости и печали в виде движения вверх и вниз, который не существует для эмоции гнева. Здесь важно упомянуть, что иногда концепты совпадают, из-за чего трудно определить к какой группе нужно отнести определенные фразеологизмы. Таким, например, является большое число фразеологизмов, обозначающих печаль, содержащих слово *сердце*. В них одновременно можно увидеть и сердце какместилище, и эмоцию, отождествленную с силой. Анализ довел и до одного непредвиденного результата. Существуют фразеологизмы, чье значение может относиться к большему количеству эмоций. Даже три анализированных фразеологизма могут обозначать либо радость, либо гнев, в зависимости от контекста.

Последний, третий вопрос работы – употребительность фразеологизмов в современном русском языке. Хотя большинство проанализированных фразеологизмов не имеет помету устарелости, все-таки существуют те, которые доказывают изменения в языке. Самый яркий пример перехода фразеологизмов в число устаревших описано в изменении концепта слова *сердце*. На самом деле, большинство устаревших фразеологизмов можно найти именно в группе, относящейся к эмоции гнева (пять примеров), потом печали (четыре), и на последнем месте – радости (один пример). Здесь важно подчеркнуть, что некоторые фразеологизмы не были зафиксированы как устаревшие, но анализом доказано, что они больше не употребляются или достаточно редко употребляются в современном русском языке. На самом деле, предположение работы, что фразеологизмы связанные с эмоциями редко теряются из-за универсальной метафоричности подтвердилось. Лишь небольшой фрагмент проанализированных фразеологизмов оказался устаревшим, по большей мере из-за изменений в концептуальном представлении носителей языка. Можно сказать, что именно из-за метафоричности язык постоянно изменяется и устанавливаются новые концепты, совпадающие с новым временем.

Все здесь приведенные выводы указывают на богатство русского языка. Фразеологическая картина русского языка расширяется и изменяется, но большинство

эмоциональной картины, представленной фразеологическими средствами языка, все-таки сохраняется. Хотя существует определенное количество фразеологизмов, заимствованных из других языков, которые принесли новые концепты и представления об эмоциях в русский язык, существует и большое количество исконно русских фразеологизмов такого типа. Такие фразеологизмы происходят из язычества, мифов и культурологических концептов свойственных русскому языку. На самом деле, при помощи анализа фразеологической эмоциональной картины русского языка можно приблизиться к пониманию данных эмоций в русской культуре и ментальности.

Список литературы

- Алефиренко, Н. Ф. (2004) *Теория языка. Вводный курс. Учебное пособие для студентов филологических специальностей вузов*. Москва: Академия
- Апресян, В.; Апресян, Ю. (1993) Метафора в семантическом представлении эмоций. В *Вопросы Языкознания*. № 3. 27-35. Режим доступа: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/1993-3/27-35> (6.12.2021.)
- Башкирова, К. А.; Давлетбаева, Д. Н (2019) Семантика фразеологических образов в русском и английском языках. Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Гуманитарные науки. № 11-2. 137-143. Режим доступа: https://repository.kpfu.ru/?p_id=222375 (16.01.2022.)
- БРЭ = Аругюнова Н. Д., К. Ч. (2017) *Метафора*. Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://bigenc.ru/literature/text/2208483>. (15.05.2021.)
- БРЭ2 = Леонтьев Д. А. (2017) *Эмоции*. Большая российская энциклопедия. Режим доступа: <https://bigenc.ru/philosophy/text/4935036> (20.05.2021)
- Грузберг, Л. (2004) *Концептуальная метафора*. Филолог. Режим доступа: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_5_101 (15.05.2021.)
- Жуков, В. П.; Жуков, А. В. (2006) *Русская фразеология*. Учеб. пособие. Москва: Высшая школа
- Зализняк, А. А. (2013) *Русская семантика в типологической перспективе*. Москва: Языки Славянской Культуры
- Красавский, Н. А. (2001) *Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах*. Волгоград: Перемена.
- Крылова, М. Н. (2016) Фразеологизмы со значением «радость» в русском языке. В *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. № 23. 33–37. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/56387.htm> (15.06.2021.)
- Лакофф, Дж.; Джонсон, М. (2004) *Метафоры, которыми мы живем*. Пер. с англ. (под ред. А. Н. Баранова). Москва: Едиториал УРСС.
- ЛГУ = Маклаков Анатолий Геннадьевич. Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. Режим доступа: <https://lengu.ru/sveden/person/70> (20.05.2021.)
- Маклаков, А. Г. (2016) *Общая психология: Учебник для вузов*. СПб.: Питер

- МГПУ = *Немов Роберт Семенович*. Московский городской педагогический университет.
Режим доступа: <https://www.mgpu.ru/personal/nemov-robert-semenovich/>
(20.05.2021.)
- Пустошило, Е. П. (2011) *Лексикология. Фразеология. Лексикография*. Гродно: Гродненский государственный университет им Я. Купалы. Электронная публикация. Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/pustoshilo_lang/index.htm.
(25.05.2022.)
- Седых, А. П. (2012) Природа эмоций и их классификация в гуманитарных науках и языкознании. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 13 (6 (125)), 108-115. Режим доступа: <https://core.ac.uk/download/pdf/151224747.pdf> (20.05.2021.)
- Сираева, Р. Т.; Фаткуллина, Ф. Г. (2014) Фразеологическая картина мира: основное содержание и признаки. *Современные проблемы науки и образования*. № 3. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13230>. (21.05.2021.)
- Скребцова, Т. Г. (2018) *Когнитивная лингвистика. Классические теории, новые подходы*. Москва: Издательский Дом ЯСК
- Телия, В. Н. (1996) *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры»
- Чернышова, Л. (2020) Языковая репрезентация базовой эмоции гнев в русском и белорусском языках. *Studia Wschodniosłowiańskie*. № 20. 189-198. Режим доступа: <https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/handle/11320/10283> (16.01.2022.)
- Шамсутдинова, Л. П. (2015) О соотношении языковой и фразеологической картин мира. *Фундаментальные исследования*. № 2-18. 4100-4104. Режим доступа: <http://www.fundamental-research.ru/ru/article/view?id=37915> (21.05.2021.)
- Шаховский, В. И. (2019) Эмоциональная картина мира в вербальной презентации. *Мир русского слова*, (1), 35-43. Режим доступа: <https://doi.org/10.24411/1811-1629-2019-11035> (21.05.2021.)
- Яранцев, Р. И.; Горбачева, И. И. (2009). *Сборник упражнений по русской фразеологии. Эмоции и чувства человека*. Издание второе. Москва: Книжный дом «ЛИБРОКОМ»

Список использованных словарей

- Барабанов, А. Н.; Добровольский, Д. О. (2009) *Фразеологический объяснительный словарь русского языка*. Москва: Эксмо
- Безрукова, В. С. (2000) *Основы духовной культуры* (Энциклопедический словарь педагога). Екатеринбург. Режим доступа: https://spiritual_culture.academic.ru/ (16.01.2022.)
- Даль, В. И. (1863-1866) *Толковый словарь живаго великорусского языка*. Режим доступа: <http://slovardalja.net/> (20.01.2022.)
- Даль, В. И. (1879) *Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.* В 2-х томах, без изменений. 2-е изд. СПб. - М.: М. О. Вольф
- Дмитриев, Д. В. (2003) *Толковый словарь русского языка*. Москва: Астрель: АСТ. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/dmitriev/> (16.01.2022.)
- Елистратов, В. С. (2002) *Словарь русского аргю*. Режим доступа: https://russian_argo.academic.ru/ (10.06.2022.)
- Ефремова, Т. Ф. (2000) *Современный толковый словарь русского языка*. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (16.01.2022.)
- Мелерович, А. М.; Мокиенко, В. М. (2005) *Фразеологизмы в русской речи*. Словарь. Издание второе, стереотипное. Москва: Русские словари, Астрель, АСТ
- Михельсон, М. И. (1986-1912) *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1—2. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов*. СПб: Ак. наук. Режим доступа: https://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/. (20.01.2022.)
- Мокиенко, В. М. (2005) *Русская фразеология: Историко-этимологический словарь*. Москва: Астрель, АСТ, Люкс
- Мокиенко, В. М.; Никитина, Т. Г. (2007) *Большой словарь русских поговорок*. Москва: Олма Медиа Групп. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/proverbs/> (20.01.2022.)
- Ожегов, С. И. (1949-1992) *Толковый словарь*. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (20.01.2022.)

- Семенов, А. В. (2003) *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Издательство «ЮНВЕС». Режим доступа: <https://semenov.academic.ru/> (21.01.2022.)
- Телия, В. Н. (2006) *Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий*. Москва: АСТ-ПРЕСС
- УФС = Быстрова, Е. А.; Окунева, А. П.; Шанский, Н. М. (1997) *Учебный фразеологический словарь*. Москва: Астрель, АСТ. Режим доступа: <https://phraseologiya.academic.ru/>. (20.01.2022.)
- Ушаков, Д. Н. (1935-1940) *Толковый словарь*. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (16.01.2022.)
- Федоров, А. И. (2008) *Фразеологический словарь русского литературного языка*. Москва: Астрель, АСТ. Режим доступа: <https://phraseology.academic.ru/>. (20.01.2022.)
- Ф-р словарь = *crever* (2014) *Dictionnaire français-russe de type actif*. Режим доступа: https://active_type_fr_ru.academic.ru/7307 (15.06.2021.)
- ФСРЯ = Войнова, П. А.; Жуков, В. П.; Молотков, А. И.; Федоров, А. И. (1967) *Фразеологический словарь русского языка*. Москва: Издательство Советская энциклопедия
- ЭСПП = *Энциклопедический словарь по психологии и педагогике* (2013) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://psychology_pedagogy.academic.ru/ (26.03.2021.)

Список литературы на иностранном языке

- Ekman, P. (1999) Basic Emotions In T. Dalgleish and T. Power (Eds.) *The Handbook of Cognition and Emotion*, 45-60. Режим доступа: <http://www.paulekman.com/wp-content/uploads/2013/07/Basic-Emotions.pdf> (20.05.2021.)
- Ekman, P. & Cordaro, D. (2011) What is Meant by Calling Emotions Basic. *Emotion Review*, 3(4), 364–370. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/1754073911410740> (20.05.2021.)
- Iordanskaja, I. & Paperno, S. (1996) *A Russian-English Collocational Dictionary of the Human Body*. Electronic version. New York: Lexicon Bridge Publisher. Режим доступа: <http://russian.cornell.edu/body/unaccented/index.htm> (20.01.2022.)

- Kövecses, Z. (2010) *Metaphor: a practical introduction* (second edition). New York: Oxford University Press, Inc.
- Levontina, I. & Zalizniak, A. (2001) Human emotions viewed through the Russian language. In J. Harkins & A. Wierzbicka (Ed.), *Emotions in Crosslinguistic Perspective* (pp. 291-336). Berlin, New York: De Gruyter Mouton. Режим доступа: <https://doi.org/10.1515/9783110880168.291> (15.06.2021.)
- Piirainen, E. (2020) Widespread Idioms and Widespread Idiomatic Patterns: Results for Phraseology and Related Disciplines. In P. Ramusino & F. Mollica (Ed.), *Contrastive Phraseology: Languages and Cultures in Comparison* (pp. 13-27). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing
- Plutchik, R. (2001) The Nature of Emotions: Human emotions have deep evolutionary roots, a fact that may explain their complexity and provide tools for clinical practice. *American Scientist*, 89(4), 344-350. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/27857503> (21.05.2021.)
- Stanojević, M. (2013) *Konceptualna metafora: temeljni pojmovi, teorijski pristupi i metode*. Zagreb: Srednja Europa
- Wierzbicka, A. (1986) Human Emotions: Universal or Culture-Specific? *American Anthropologist*, 88(3), new series, 584-594. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/679478> (21.05.2021.)
- Wierzbicka, A. (1998) Russian Emotional Expression. *Ethos*, 26(4), 456-483. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/640664> (15.06.2021.)
- Wierzbicka, A. (1999) *Emotions Across Languages and Cultures: Diversity and Universals*. Cambridge: Cambridge University Press
- Wierzbicka, A. (2004) 'Happiness' in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective. *Daedalus*, 133(2), 34-43. Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/20027911> (15.06.2021.)

Интернет ресурсы

- ruTenTen = Режим доступа: <https://www.sketchengine.eu/rutenten-russian-corpus/> (26.03.2022.)

Приложение: Фразеологизмы, относящиеся к эмоциям радости, печали и гнева, распределённые по концептуальным метафорам

РАДОСТ	ПЕЧАЛЬ	ГНЕВ
ЧАСТЬ ТЕЛА – ВМЕСТИЛИЩЕ ДЛЯ ЭМОЦИЙ		
<p>*огонь в глазах <i>кого, чьих</i> *глаза горят (загораются) у <i>кого, чьи</i> глаза играют у <i>кого</i> лицо сияет (осветлилось, просветлело) <от радости (радостью)> у <i>кого</i> глаза сияют (светятся) <от радости> у <i>кого</i> сияет, как масляный блин сияет, как блин на Масленицу</p>	<p>пролить / лить слезы пустить / пускать слезу обливаться / обливаться (умыться / умываться) слезами утонать в слезах броситься в слезы весь (вся) в слезах не осушать глаз осушить / осушать <свои> слезы осушить / осушать слезы <i>чьи, кому</i> глаза на мокром месте у <i>кого</i> горючие (жгучие) слезы кровавыми слезами плакать (восплакаться) смеяться сквозь слезы кошки скребут (скребли, заскребли) на душе (сердце) у <i>кого</i></p>	<p>*огонь в глазах <i>кого, чьих</i> *глаза горят (загораются) <i>кого, чьи</i> глаза метают молнии глаза сверкают от ярости (злости) сверкнуть / сверкать глазами на <i>кого</i> до глубины души (сердца) держат сердце на <i>кого</i> (устар.) прийти / прийти в сердце (устар.) сердце взяло (берет) на <i>кого</i> (устар.) сорвать / срывать сердце на <i>ком, чем</i> (устар.) иметь сердце на <i>кого</i> (устар.) в сердцах с сердцем кровь бросилась (кинула, ударила) в голову <i>кому</i></p>

РАДОСТ	ПЕЧАЛЬ	ГНЕВ
ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА		
<p>разразиться / разражаться смехом</p> <p>закагиться / закатываться смехом</p> <p>кататься со смеху</p> <p>покатиться / покатываться со смеху</p> <p>валяться со смеху</p> <p>покатиться / покатываться с хохоту (от хохота)</p> <p>залиться / заливаться смехом</p> <p>счастье переполняет кого</p> <p>падать от смеха (со смеху)</p> <p>треснуть со смеху</p> <p>надорваться / надрывать от смеха</p> <p>надорвать живот (животики) со смеху (от хохота)</p> <p>смех разобрал (разбирает) кого</p> <p>разорваться / разрываться от смеха</p> <p>лопнуть со смеху (от смеха, от смеху)</p> <p>умереть / умирать (помереть / помирать) со смеху</p>	<p>*взять / брать (хватать) за душу (сердце) <i>кого, чем</i></p> <p>сердце заныло (ноет)</p> <p>сердце изныло (изнывает)</p> <p>сердце сжалось (сжимается)</p> <p>сердце кровью залилось (заливается) (устар.)</p> <p>сердце кровью обливалось (обливается) / облилось <i>у кого, чье [от чего]</i></p> <p>сердце рвется пополам (устар.)</p> <p>разбитое сердце</p> <p>сердце замерло (замирает) <i>у кого, от чего</i></p> <p>биться (колотиться) головой об стенку</p>	<p>сердце закипело (кипит)</p> <p>налиться / наливаться кровью</p> <p>довести / доводить до белого каления</p> <p>под горячую руку</p> <p>буря в стакане воды</p> <p>метать громы <и молнии> (громы-молнии)</p> <p><против кого, чего (за что)></p> <p>мечущий громы и молнии <i>на что</i></p> <p>метать справедливые громы и молнии <i>в адрес чей</i></p> <p>обрушить громы и молнии на халатные головы <i>кого</i></p> <p>метать громы-молнии <i>по поводу кого</i></p> <p>не призывать громы и молнии на головы <i>чьи</i></p> <p>какие громы и молнии пойдут <i>у кого</i></p> <p>претерпеть громы и молнии <i>чьи</i></p> <p>гром и молнии</p> <p>отводить громы-молнии</p> <p>рвать и метать</p>

РАДОСТ	ПЕЧАЛЬ	ГНЕВ
ЭМОЦИЯ – ЭТО СИЛА		
<p>уморить со смеху <i>кого</i></p> <p>поморить со смеху <i>кого</i> (устар.)</p> <p>*вне себя <i>кто</i> [быть]</p> <p>*взять / брать (хватать) за душу (сердце)</p>		<p>метать искры</p> <p>метать перуны <i>против кого</i></p> <p>*вне себя <i>кто</i> [быть]</p> <p>выйти / выходить из себя <i>кто</i></p> <p>вывести / выводить из себя <i>кто, что кого</i></p> <p>потерять себя</p> <p>приходить в ярость</p> <p>полезть / лезть в бутылку</p> <p>полезть / лезть в пузырь</p>

РАДОСТ	ПЕЧАЛЬ	ГНЕВ
СЧАСТЬЕ СООТВЕСТВУЕТ ВЕРХУ, ПЕЧАЛЬ – НИЗУ		
<p>воспрянуть духом</p> <p>быть (почувствовать / чувствовать себя) на верху блаженства</p> <p>на верху блаженства</p> <p>быть (почувствовать / чувствовать себя) на седьмом небе <i>от чего</i></p> <p>остаться на седьмом небе счастья</p> <p>быть на десятом небе <i>от чего</i></p> <p>переселить на седьмое небо <i>кого</i></p> <p>седьмое небо</p> <p>на седьмом небе <i>от чего</i></p>	<p>упасть (пасть) / падать духом</p> <p>свесить (повесить) / вешать голову (головушку)</p> <p>повесить / вешать (опустить / опускать) нос <на квинту></p> <p>уронить / ронять голову на грудь</p> <p>понурить голову</p> <p>поникнуть головой</p> <p>опустить / опускать голову</p> <p>опустить / опускать руки</p> <p>опустить / опускать крылья (крылышки)</p> <p>сердце упало (оборвалось) / падает у <i>кого</i>, <i>что</i></p>	

РАДОСТ	ПЕЧАЛЬ	ГНЕВ
ЭМОЦИЯ – ЭТО ЕДА		
<p>не жизнь, а малина разлюли малина (разлюли-малина) в шоколаде [быть, кататься, кунаться и т. п.] [всё] в шоколаде!</p>	<p>хлебнуть горя хлебнуть горького <i>от кого</i> хлебнуть полной мерой из чаши военных испытаний испить полную <до краев> чашу (устар.) испить горькую чашу (устар.) хлебнуть <горя> по ноздри хлебнуть горького (горячего) до слез</p>	

Sažetak

Ovaj diplomski rad posvećen je analizi frazema čije se značenje odnosi na izražavanje i proživljavanje osjećaja radosti, tuge i ljutnje. Izabrani su frazemi koji su utemeljeni na određenim konceptualnim metaforama, odnosno čija je ishodna domena jedan aspekt spomenutih emocija. Tri su cilja istraživanja. Prvi je cilj vidjeti kolike su kulturološke razlike u konceptualnim metaforama koje su već uvelike istražene na anglofonom području, odnosno koliko je već ustanovljenih konceptualnih metafora moguće pronaći u ruskim frazemima te koliko je onih čije je postojanje uvjetovano ruskom kulturom. Drugi je cilj detektirati i analizirati koncepte pomoću kojih je moguće opisati više emocija, odnosno gdje postoje preklapanja u domenama i značenjima određenih metafora u frazemima. Treći je cilj provjeriti relevantnost istraženih frazema. Zbog činjenice da se jezik neprestalno mijenja, važno je naglasiti koje su konceptualne metafore još uvijek snažne, a čiji su se utjecaji već smanjili u odnosu na prijašnje vrijeme te postoji li tome razlog. Analiza frazema i konceptualnih metafora koje se u njima pojavljuju doprinose dubljem razumijevanju ruskog jezika, no posebice dovode do boljeg shvaćanja ruske kulture koja je takve koncepte ukorijenila u kogniciji svakog govornika.

Ključne riječi: konceptualne metafore, frazemi, emocije, radost, tuga, ljutnja

Ключевые слова: концептуальные метафоры, фразеологизмы, эмоции, радость, печаль, гнев

Životopis

Ivana Klešković rođena je 29.04.1996. u Župi dubrovačkoj gdje je završila osnovnu školu. Srednjoškolsko obrazovanje stekla je u Dubrovniku. Po završetku jezične gimnazije 2015. godine upisuje Filozofski fakultet u Zagrebu – dvopredmetni studij ruskog jezika i književnosti i anglistike, gdje stječe titulu prvostupnice engleskog jezika i književnosti i ruskog jezika i književnosti 2019. godine. Iste godine upisuje diplomski studij rusistike, prevoditeljski smjer, te anglistike, nastavnički smjer.